

~~XX 264~~
~~4~~

а
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ
В.И. ВАСИЛЬЕВА



№ 16
14 апреля 1929 г.

КРАСНАЯ НИВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

СЕДЬМОЙ
ГОД ИЗДАНИЯ



«Праздник», картина работы дехканина туркмена Бяшим - Нурали. Этот молодой художник учился сперва в асхабадской школе, в настоящее время учится во Вхутенсе. На этой его работе еще явственно чувствуется влияние старых традиций средне-азиатского искусства



Статья П. Г. Смидовича—члена Президиума ЦИК СССР и ВЦИК

СРЕДНЯЯ Азия—это громадный кусок земли, совершенно своеобразный, от северного берега Аральского моря до границ Персии и Афганистана (1.300 верст), с которыми он исторически был тесно связан, от берегов Каспия до китайской границы (2.400 верст),— кусок земли почти в два миллиона квадратных километров, площадь которого превышает площадь Германии, Франции, Италии, Австрии и Венгрии вместе взятых.

Средняя Азия—это страна солнца и ветра, солнца горячего и жадного, высушившего целое море, которое когда-то покрывало всю равнину, превратившего большую часть в желтую песчаную пустыню или в серую полынную степь. Почва, образованная продуктами разрушения гор, так плодородна, что весной, напившись водой от талых снегов, вся покрывается пылающими цветами и мощной растительностью, чтобы потом, когда солнце выпьет всю влагу, снова пожолкнуть песком и кустами колючек и полыни. Но тогда среди бесплодных пространств оазисами поднимаются участки, орошенные многоводными реками (Сыр-Дарья, Аму-Дарья, Зеравшан), потоками и оросительными системами,— орошенные водой, бегущей от мощных горных ледников Тянь-Шаня, Алая и Гиндукуша, от снеговых вершин, поднявшихся выше самых высоких гор Европы и Кавказа. Эти оазисы — сплошной сад. Здесь каждый воткнутый во влажную землю сук вырастает в течение немногих лет в дерево, здесь вспаханная земля за год дает два и три урожая. Здесь слишком много солнца, и каждый ручей — мощный источник жизни.

Средняя Азия — когда-то широкий путь для сношений между Азией и Европой, путь бесконечных караванов, нагруженных китайскими и индийскими товарами. Но и путь все новых и новых кочевых орд, разорявших до тла всю культуру, захватывавших накопленные богатства и покорявших всю страну. Греки, китайцы, турки, арабы, персы, монголы... и, наконец, белое войско белого царя. Кир и Александр Македонский, Чингиз-хан и Тимур... вплоть до бухарских и хивинских ханов, которых еще застала наша революция.

Ряды кровавых владык веками оспаривали друг у друга власть, пригнетали к самой земле все живое, накапливали громадные богатства. Они всюду оставили память о себе: гробницы, дворцы, крепости и мавзолеи, минареты, мечети и духовные школы блистают и теперь тонкими узорами ярких изразцов, часто почти разрушенные временем и землетрясениями. Небесно-голубые купола и кружевные минареты давних веков и теперь высятся над морем плоских крыш городской бедноты. Серия памятников завершается царскими крепостями, церквями и дворцами.

И никто не укажет страны, где бы веками и до последнего времени трудовая беднота была больше задавлена гнетом религии и векового изуверства. Здесь всякая мысль и инициатива разбивались вдребезги о камни и стены. Как женщина в парандже, вся страна — под беспросветным колпаком изуверов-мулл и ханов.

Только советская власть снимает средневековый гнет со всей страны, так же как она снимает с женщины паранджу.

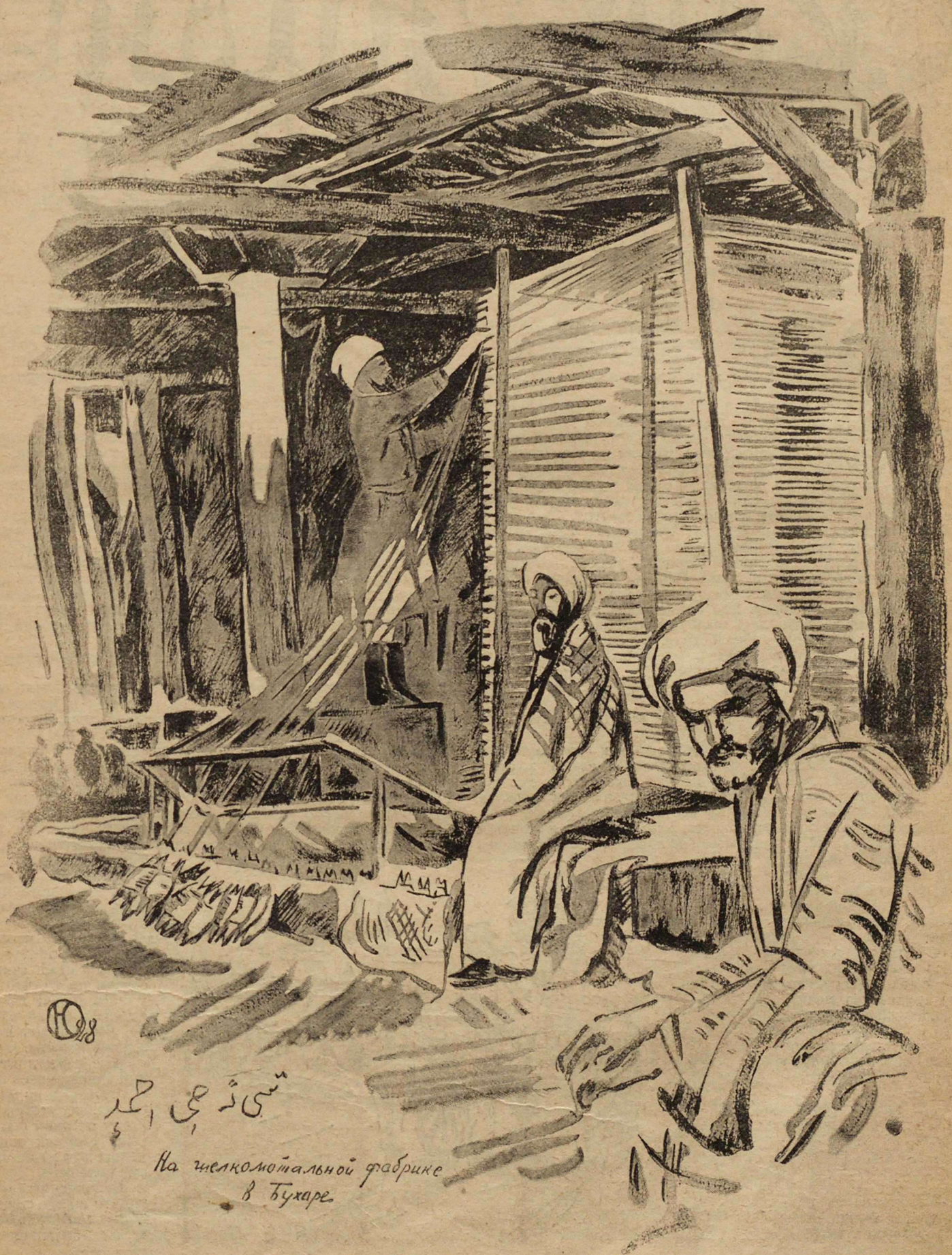
Средняя Азия — это уже не Туркестан с Бухарой и Хивой—это Узбекская и Туркменская союзные республики, это Киргизская и южная часть Казахской автономных и социалистических советских республик.

Земля и вода не в руках уже мулл и ханов, она в руках трудовых дехкан. Земельноводная реформа и в Узбекистане и в Туркменистане и в Киргизии сняла с земельных участков всех нетрудовых собственников и передала землю тем, кто своими руками пашет и орошает ее. И все новые участки получают дорогую влагу, ширятся оазисы и плантации. Сплошное землеустройство откроет пути рациональному использованию богатств края.

Теперь только открыта в Среднюю Азию свободная дорога для культуры и знания. Теперь разогнулась спина дехканина, теперь для него греет увлажненную землю южное солнце. За многие века впервые у этих народов сняты цепи с рук, и освобождена воля для нового строительства как в области хозяйственной, так и в культурной области.



Президиум 3-й чрезвычайной сессии Туркестанского ЦИК, вынесшей постановление о создании средне-азиатских республик (1924 г.)



تشی نه عی اچر

На шелкомотальной фабрике
в Бухаре



Рассказ А. СЫТИНА

ه

I

АХУН стоял на краю своего клеверного поля. Был тот предрассветный час, когда сиреневая и розовая кашка еще остается свернутой и поле бывает похожим на кусок серо-зеленого шелка.

Еще теплый от сна, Ахун сбросил халат, оставшись в безукоризненно белом белье, шагнул в клевер через влажную пустую канаву и поднял тяжелый заступ, блеснувший, как плоха серебра. Двухаршинная желтая ручка кетмени, твердая, как кость, и отполированная тяжким трудом, свободно заскользила в его широких крепких руках. Надо было торопиться с поливкой. Если солнце застанет, то уже к вечеру по клеверу поползут желтые пятна ожогов.

Ахун медленно, как человек, привыкший работать на рисовом болоте, ударил несколько раз кетменем где-то в траве. Как-будто прорвало бочку. Артерия соседнего арыка открылась, и внутри зеленого поля разлилось журчание. Ахун привычно огляделся, понял, что сухих мест не будет, и вышел на дорогу. Его босые ноги после холодной воды погрузились в теплую пыль, не успевшую остыть за ночь. Он улыбнулся от удовольствия, но скрип близкой арбы напомнил о покупателе. Ахун зашуршал серпом в углу поля. Подъехавшая арба мягко грохнула, и старческий голос закричал:

— Ахун!

Земледелец продолжал косить, — вместе с платой он привык собирать новости.

— Ахун! — повторил старик, обращаясь к белой кланяющейся спине. — Наверно, мир скоро окончит свое существование. Все звезды, как капли воды (которые ангелы так бережно роняют во время дождя), сорвутся со своих золотых крючьев и обрушатся на нас за все наши беззакония.

Несмотря на страшную новость, Ахун продолжал косить, а молодой человек, сидевший верхом на лошади, запряженной в арбу, спокойно перенес ногу через круп и легко спрыгнул на землю.

— А что! — не разгибаясь, глухо спросил Ахун.

— Как, ты живешь около самого города и не знаешь? Взгляни! Вот ту самую мечеть большевики обратили в клуб.

Ахун выпрямился, понес охапку клевера к арбе, а старик продолжал:

— В храме всевышнего, где возносились молитвы и дети учились добру, происходят нечестивые сборища.

— Я и теперь помню удары палки, — жалобно сказал Ахун, обратив свое растерянное лицо к старику. — Мои руки болят даже те-

перь, когда я вспоминаю медресе¹⁾. Мулла бил по рукам за каждую ошибку.

— Ученик должен быть, как труп для омовения в руках учителя, — отрубил старик и, свирепо вытаращив глаза, замолчал, кутаясь в халат. Больше он не произнес ни слова, пока грузили клевер, и Ахун рассчитывался с молодым возчиком.

II

Ахун задумчиво пересмотрел медяки, вздохнул, глядя на поле, завязал монеты в пояс и, подняв халат с земли, зашагал к дому. Арбы будут еще. Сегодня базарный день, но страшная весть о святотатстве выбила у него привычное желание труда.

Он обошел домик, в котором спали жена и ребенок, заглянул в маленький благополучный виноградник и успокоенно вздохнул. Все как-будто было на своем месте. Набросив на плечи халат, Ахун зашагал к городу. Он шел на базар, где всегда можно узнать все новости. Ахун рассеянно шагал и думал. На душе у него было смутно. В этой самой мечети он потерял шесть лет. Каждый день он сидел в кругу других детей и, монотонно покачиваясь, гнусаво читал коран велух в голос вместе со всеми.

— Для мудрости прежде всех иных доблестей откроются врата рая.

Ахун стремился к знанию. Во что бы то ни стало он хотел овладеть грамотой. Часами он кланялся и речитативом гнусавил слова корана, но неясный ликий стыд не оставлял его ни на минуту.

Ахун, как и все остальные, не знал ни одной буквы.

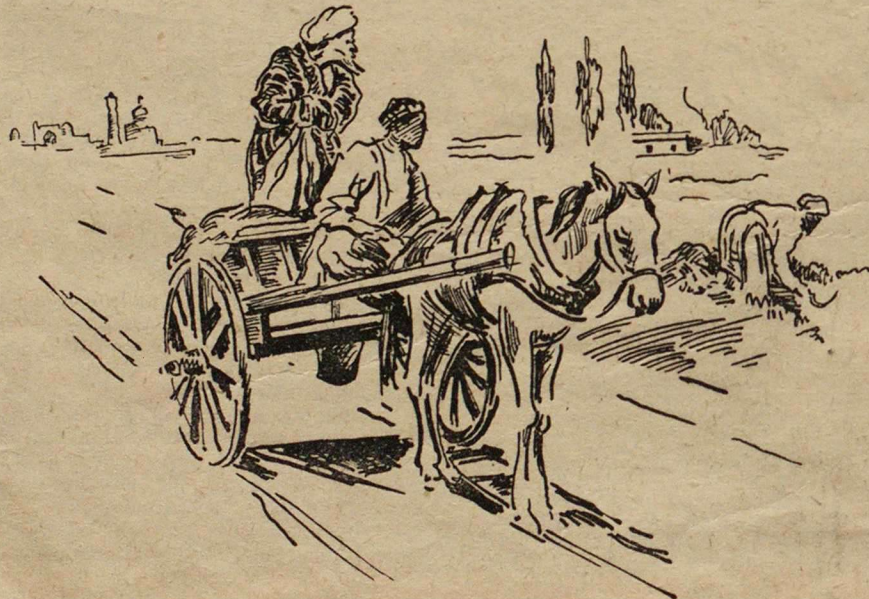
Слова корана нельзя разбивать на знаки и рассыпать, как зерно птицам. Их надо запоминать целиком, как они есть. Глядя на страницы, Ахун твердил и запоминал. И так надо было выучить всю книгу, — а она была бесконечно толстая.

Хвостатые витиеватые буквы, как изогнувшиеся для удара скорпионы, силетались, расилетались и мучительно рябили

в глазах. Ахун заикался, путался, и линейка седобородого муллы безжалостно била его по рукам.

Однажды мальчишка-сосед склеил листы, и Ахун стал «читать» совсем не то, что было у него перед глазами. Удары линейки, как пули, посыпались на его бедные пальцы, и Ахун — уже семнадцатилетний юноша — весь в слезах выбежал из мечети. Он решил, что он глуп и ему незачем быть битым, так как никакие удары муллы не принесут пользы.

Исполненный веры в то, что он все-таки владеет грамотой, Ахун надел большие очки



— Ахун! — повторил старик, обращаясь к белой кланяющейся спине

¹⁾ Медресе — мусульм. духовное училище.

(как подобает мудрецу и ходатаю по делам, испортившему зрение над книгами), установил столик на базаре и сел, приготавливаясь писать за плату всякие кляузы.

Первое прошение было написано необычайно красиво и витиевато. Ахун трудился над ним битых два часа и потел всем телом. Он вспоминал слова корана, которые произносил, глядя на переплетенных скорпионов, и теперь вспоминал начертание каждого слова в отдельности.

Впервые перейдя к письму, Ахун прежде всего понял, что у него необычайно скудный запас слов, которые он может занести на бумагу.

Он чувствовал, что слова эти высокопарны, устарели, но — что поделаешь — из них надо было составить деловое заявление.

Неимоверно напрягая память, Ахун бормотал про себя текст корана, и кружевным забором перед ним неслись многотажные хвостатые буквы. Ахун не знал, что начертание сложных иероглифов без практики не под силу никакому человеку. Он не знал также, что он обманут самым наглым образом, и продолжал твердить текст. Дойдя до нужного слова, он замолкал. Мелькавшее кружево букв останавливалось, и Ахуну казалось, что он отчетливо видит нужное ему слово. Он заносил его на бумагу и снова с самого начала твердил текст, чтобы выловить следующее.

Чернильные скорпионы на заявлении переплетались хвостами и были похожи на живых.

Ахун был уверен, что работа удалась, но оказалось, что в этой рукописи не было никакого смысла, и через час, когда первый клиент вернулся, чтобы взять назад плату, — Ахун сам не мог прочесть того, что написал. После дикого скандала красный и потный Ахун вернул деньги и исчез, бросив на базаре столик, перо и бумагу.

Здоровые инстинкты взяли верх и, оставив книжную премудрость, Ахун вернулся к земле, на которой работали его отцы и деды его дедов.

Теперь, когда он шел и думал обо всем этом, его мысли путались. Он то вспоминал большую прохладную, полутемную мечеть, застланную коврами, то думал о том, надо ли с будущего года сеять хлопок.



Ахун слушал, стараясь не пропустить ни слова...

Муллы говорили, что не надо.

Бог за грехи посылает холод.

Большевики задаром отнимут весь урожай.

Начнется басмачество, и все, у кого будет хлопок, умрут с голоду.

Новый скрип арбы и звонкий молодой голос нарушили его размышления.

— Ахун! — кричал комсомолец Мехмед. — Привет тебе, честный земледелец. Спешу в мечеть, и ты услышишь новую речь. Садись сюда, я тебя подвезу. Не гнусаю речь муллы, когда слова лезут из обеих ноздрей, а хорошую новую речь о новой жизни.

Плутовское круглое лицо Мехмеда стало загадочным и, подняв палец, подвинувшись к поднимавшемуся на высокую арбу Ахуну, юноша продолжал.

— Слыхал ли ты, бедный дехканин ¹⁾, голос жестяной трубы, когда внизу вертится черный круг?

— Граммофон, — мрачно проговорил Ахун, обуреваемый мыслями о хлопке.

— Так, правильно, — не теряя уверенности, подтвердил Мехмед. — А видал ли ты огромные красные полосы материи, расшитые белыми буквами?

— Плакат, — нехотя уронил Ахун.

— Так, так, — не теряя терпения, продолжал Мехмед. — Это все новая речь, обращенная к десяткам тысяч ушей. Но может быть, ты читал и газету, нашу простую газету, написанную простыми явственными буквами? А?

Ахун смутился и ничего не ответил.

— Это тоже голос новой речи, безмолвный голос, которому внимают тысячи людей. Но он тише шопота, как это ни странно, его не слышно. Сегодня же ты войдешь в мечеть и услышишь голос маленькой трубы. Тебе будут говорить из далеких городов, а ты будешь слышать своими ушами.

Ахун улыбнулся, глядя прямо в глаза молодому лгуну, и не проронил ни слова. Арба остановилась возле мечети.

III

Посреди мечети стояли столы, покрытые красной материей и заваленные газетами. Колонны были обвиты красной материей, испещренной белыми буквами.

Ахун сразу заметил, что буквы были незнакомые, но видно их было очень хорошо. Неграмотный Ахун стыдливо отвел глаза. За столами сидело много людей. По всей мечети раздавались гулкие удары молотков. Комсомольцы протягивали новые плакаты. Ахун испугался и хотел уйти, но Мехмед его не отпустил.

Ахун уселся на скамью, и через минуту с возвышения, с которого обычно говорил мулла и где сейчас никого не было, раздался громкий голос.

Ахун оторопело глянул на Мехмеда и стал слушать, как очарованный.

Голос говорил о винограде, о рисе, и говорил самое главное, прямо то, о чем так много ломал голову Ахун: когда пускать воду на поле, когда заготавливать болота для риса и как молотить, чтобы не пропадало лишнее зерно.

Ахун слушал, стараясь не пропустить ни слова, и опасливо оглядывался на комсомольцев, которые белой известью мазали стены. Шорох кистей и стук ведер мешал слушать.

Потом голос заговорил о хлопке, и Ахун вздрогнул от нетерпенья. Отчетливо и медленно, как-будто произнося какую-



...Крепко мазнул известью по переплетенной золотой надписи.

¹⁾ Дехканин — земледелец.

то клятву, голос говорил о пенах, которые будут платить за хлопок, и обещал материю, хлеб и заступы в обмен на хлопок. Ахун слушал и запоминал.

Рассказавши подробно обо всем, что мучило земледельца, голос умолк и через минуту стал говорить о всееленской чепухе, которую муллы рассказывают в медресе.

Ахун был потрясен этим новым святотатством. С невольным опасением он вдавил голову в плечи, как бы боясь, что высокий темный свод грянет и рухнет на него сверху всей своей каменной массой,—потом встал, чтобы уйти.

Комсомолы мазали стены известью до высоты своих плеч. Они говорили о том, что рисунки и надписи выше надо оставить, потому что мечеть очень старая и орнамент и надписи представляют собою ценность.

Что-то дрогнуло в груди Ахуна и, не отдавая себе хорошенько отчета в том, что он делает, земледелец вырвал кисть у изумленного комсомольца и крепко мазнул известью по переплетенной золотой надписи, состоявшей из одних острых искривленных хвостов, торчащих во все стороны.

Ахуну показалось, что он одним взмахом стер целую грудку уродливых ядовитых скорпионов, и с наслаждением он мазнул еще и еще несколько раз.

Комсомолы, звавшие его историю, даже не усмехнулись, а дехканин с вдумчивым злорадством продолжал мазать хвосты. Потом, вернув кисть, Ахун повернулся к Мехмеду и сказал:

— Когда он, тот, которого здесь нет, опять будет говорить о хлопке, ты меня позови. Я приду.

Не ожидая ответа, он вышел из мечети и продолжал бродить по базару.

IV

Ничего, это страшно только в первый раз, как тогда, когда он сел на поезд. Потом он, конечно, привыкнет и поймет. Ничего.

Ахун купил леденцов для мальчика, потому что была пятница — праздник. Долго и рассеянно бродил по базару, слушая всякие толки, и глядел по сторонам, думая о своем.

Скоро будет осень. Вода в арыках будет холодная, — по зеленым садам во все стороны, докуда видит глаз, поползут красные, желтые, золотые пятна. Дети будут собирать сухую листву и запасать ее на зиму для топлива.

Драгоценную воду долины нельзя расходовать на негодные деревья. Надо будет срубить семилетний миндаль: он уже не дает плодов. Но этого будет мало.

Дрова зимой — все равно, что урожай летом. Поэтому маленький Керим будет тоже работать. В этом году он уже сможет. Ахун улыбнулся, вспоминая себя, когда он вот так же работал, как в эту осень будет работать его сын.

Он брал длинный хлыст и нагибался за каждым сухим покоробленным листиком. Он бережно накалывал их один за другим на хлыст, плотно придвигая их друг к другу. Сырые листья подростки сгребали прямо в мешки. Ахун, тогда еще совсем крошка, с косичкой и пушистым совиным перышком на голове в знак того, что он первенец, важно разгуливал, собирая листья, и при каждом движении его халатик, надетый на голое тело, распахивался сверху до низу, а сзади с сухим шумом волочилась саженная колбаса из сухих листьев.

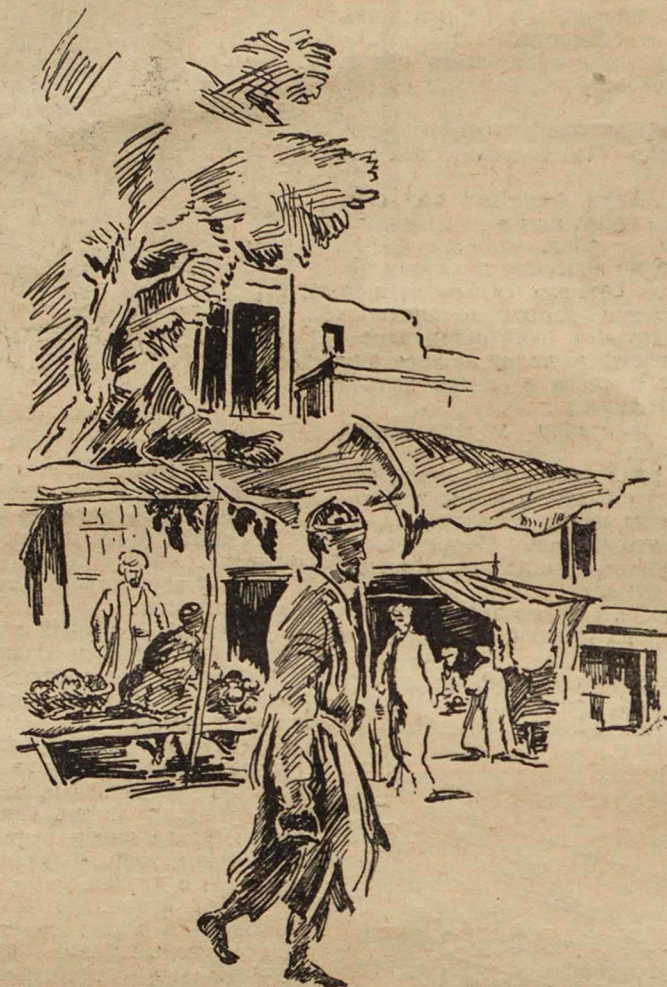
Ахун, блаженно улыбаясь, потрогал леденцы за пазухой, но в это время его снова окрикнул Мехмед.

Ахун взобрался на арбу, сурово сомкнул губы и до самого дома не проронил ни слова. Войдя в дом, он молча вымыл руки, молча взял чашку плова из рук жены и, только передавая леденцы Кериму, сказал, обращаясь неизвестно к кому:

— Сегодня я растер в пыль целую кучу старых скорпионов.

Поглядев в испуганные глаза мальчика, Ахун улыбнулся и, глядя на жену, добавил:

— А в будущем году мы будем сеять хлопок.



Долго и рассеянно бродил по базару...

ВЛЮБЛЕННАЯ ДЕВУШКА

Бату-Махмуд-Хадиев

Она любви полна...
Пылает сердце — пламень окрыленный,
И пламенем вся жизнь ее озарена.
Она проходит нежной и влюбленной...
Пытливый взор на ней останови, —
Сам осянешь от любви:
Она горит любовью.
Мечты любви к ней никнут к изголовью,
Любовью мысли пленены,
С любовью крепко сплетены
И грусть и сладкое волненье...
Она все время слышит, словно пенье:
«Жизнь без любви — не жизнь, а мертвый сон».

И на устах ее скользит улыбка,
И счастьем взор горячий просветлен:
Как без воды сверкающая рыба,
Так без любви душа не может жить.
Любимой быть, любить —
Удел счастливый.
И преподносят ей, влюбленной и красивой,
Учтивые стихи, плетенье из цветов.
Она привыкла к ритму нежных слов...
Но кто она?

Бату-Махмуд-Хадиев (род. в 1903 г.) — самый крупный и популярный из современных узбекских поэтов. Родился в бедной семье ткача. По окончании в Ташкенте советской образцовой школы поступил на рабфак Моск. Плехановского института, который окончил в 1927 г. по экономическому отделению. Принимает самое деятельное участие в общественной жизни Узбекистана, работая в антирелигиозной комиссии и в комиссии по борьбе за раскрепощение женщин. Основной мотив поэзии Бату — победная борьба нового со старым.

Она — горящая любовью,
Та девушка, что любит пламенно двоих,
Всей силою мечты, всей кровью:
Один из них —
Влюбленный юноша, красиво-стройный,
Другой — огонь борьбы, сурово-беспокойный,
Она не может юношу забыть,
И без борьбы она не может жить...
Вот почему ее волненье.

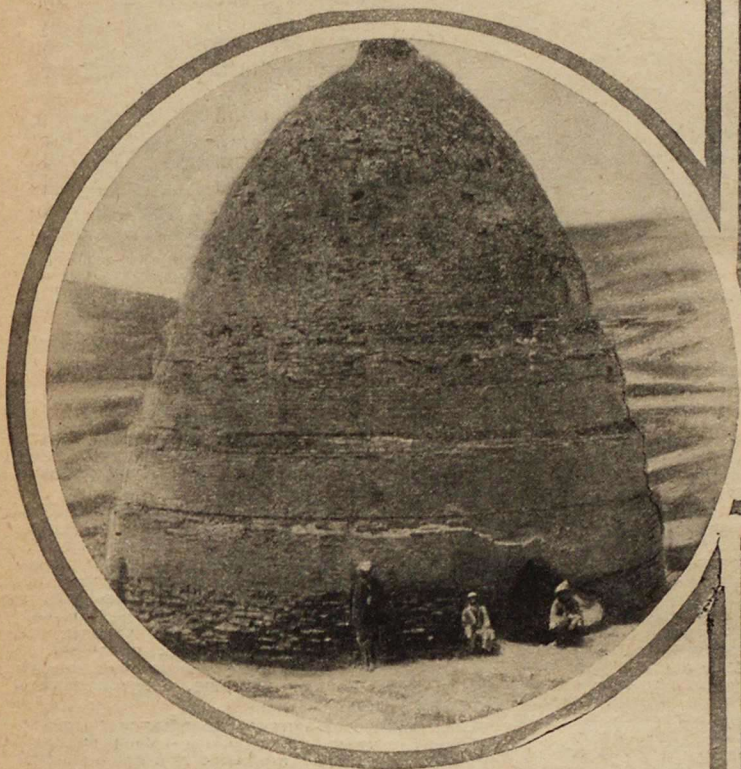
Ей шепчет юноша в томленьи,
Склонясь на грудь:
«Глаза мои — в твоих глазах. Не позабудь!».

Любовь любви не позабудет,
Но кличет голос огненной борьбы:
«Иди за мной! Со мною будет
Иным узор твоей судьбы.
На крыльях огненных, могучих
Я унесу тебя в далекий путь!
Не позабудь!».
И не забыть призывов этих жгучих.
На крыльях бури девичьи мечты,
И в мыслях — легкое круженье:
Волнует юноша улыбкой красоты,
И пламенной борьбы призывно пенье, —
И любит девушка — и юношу и жар борьбы.

Но слышит, как ей шепчет счастье:
«Жизнь без борьбы — несчастье,
Перед судьбой смиряются рабы.
Иди же, юная, вперед, не сомневаясь, —
Борьба зовет, упорно разгораясь!».

Перевод Н. А.

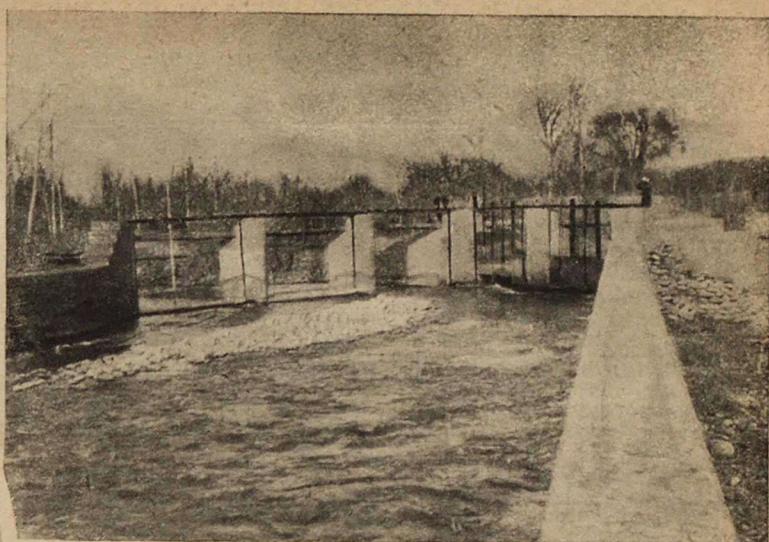
БОРЬБА ЗА ВОДУ



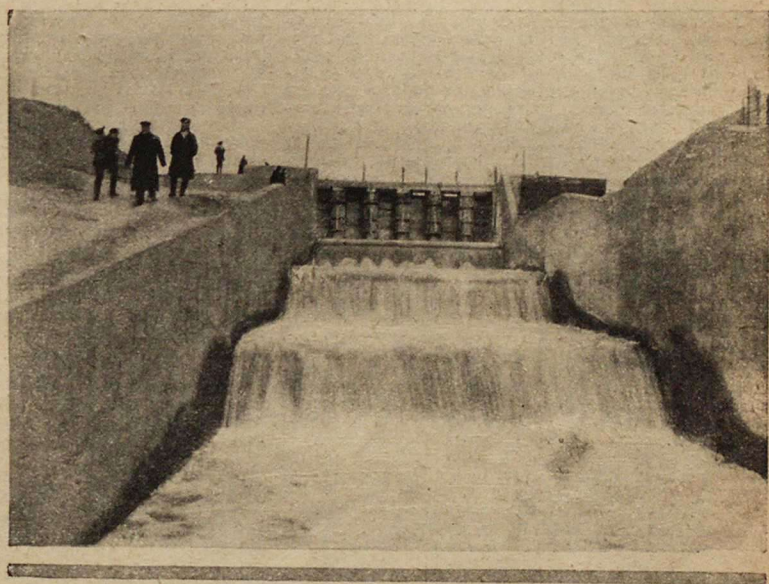
Старый способ хранения воды. «Кадук» — куполообразные сооружения над колодцами и водоемами в Голодной степи. Цель их — сохранить воду от испарения. Подобные сооружения существуют со времен Тимур-лапа



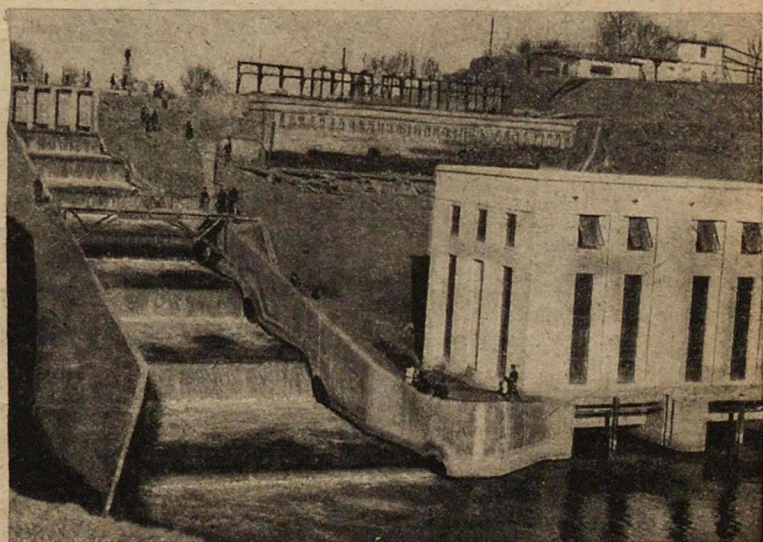
Орошение Голодной степи. Работы на Дальверзинской оросительной системе («Дальверзинстрой»)



Старый вододелитель Вуалше



Плотина, регулирующая подачу воды на хлопковые поля



Ташкент. Гидростанция на Боз-су



Узбеки-школьники

Культурное строительство Средней Азии

СРЕДНЯЯ Азия была колонией царской России. Об этом знают все. Должно быть также известно, что рост производительных сил Средней Азии в царских условиях искусственным образом задерживался. Средняя Азия рассматривалась как сырьевая база. Естественно, что задерживался также культурный рост. Это было неизбежно. Поэтому к Октябрьской революции Средняя Азия в хозяйственном и культурном отношении отставала не только от центра, но и от целого ряда окраин бывшей Российской империи. Перед пролетарской диктатурой стала одна задача — ликвидировать в очень короткий срок хозяйственную диспропорцию между Средней Азией и другими частями СССР. На ряду с этой задачей перед Союзом ССР стояла еще другая: догнать и перегнать капиталистические страны в технике, рационализации и т. д. Вторая задача, в свою очередь, для средне-азиатских республик означает — удвоить и утроить темп развития социалистического хозяйства. Недавно по поводу нашего социалистического строительства писал т. Зеленский. «Мы развернули, — пишет он, — гигантский темп хозяйственного строительства. Никто не может опровергнуть того, что этот темп уже теперь, — и мы надеемся, что и в ближайшие годы он будет все больше усиливаться, — превосходит темп капиталистического строительства».

Читатель скажет: все это превосходно, понятно и существенно. Он скажет также, что всем известно о взаимоотношении базиса и надстройки. Речь должна идти о культурном строительстве. Но мы совершенно сознательно начали с вопроса о хозяйственном строительстве. Иначе не будет понятно культурное строительство средне-азиатских советских республик. Тов. Зеленский в той же статье, говоря о задачах народного образования в республиках Средней Азии, указывает, что «главнейший вопрос, который должен привлекать сейчас внимание всей нашей общественности, внимание всех тех, кто всерьез думает над вопросами социалистического строительства в нашей стране, — это вопрос о ножницах между темпом нашего хозяйственного строительства и тем культурными возможностями, которыми мы обладаем» (журнал «За партию» № 7—11 1928 г.).

Социалистическое строительство упирается в вопрос о культурных кадрах в первую очередь. Задачи, поставленные партией и советской властью перед собою по реконструкции промышленности, индустриализации страны, могут ли быть выполнены кадром культурных работников и культурным наследием, имеющимся в данное время в Средней Азии? Эта диспропорция между объемом задач, которые партия и страна поставили сейчас перед собою, и теми культурными силами, которыми мы располагаем для их разрешения, заставляют нас са-

мым серьезным образом пересмотреть, проверить и, возможно, в некоторых случаях изменить путь нашего культурного строительства» (И. Зеленский. Там же).

Некоторое представление о культурных силах дадут нижеприведенные цифры и факты. В 1920 г. на 1.000 жителей Узбекистана грамотных приходилось 7—8 человек. Если допустить, что за 8 лет рост грамотных в республиках Средней Азии происходил быстрее, чем в остальных частях СССР, примерно, раза в 3—5, то количество грамотных на 1.000 человек будет не более 30—35. Школами охвачено 37 проц. узбекских детей, детей казаков, живущих в Узбекистане — 19 проц., а детей нацмен еще меньше.

Характерную картину представляет собою следующая таблица: на 1.000 жителей учащихся по всему Союзу приходится в среднем—94,5 человек. В РСФСР — 97,4 чел., на Украине — 101 чел., в Белоруссии — 117 чел., в Узбекистане — 41 чел., в Туркменистане — 52 чел. и в Киргизии — 49 чел.

Эти факты говорят о том, что культурный рост средне-азиатских республик в значительной мере отстает от культурного роста остальных частей Советского Союза. Они говорят также о том, что с такими культурными силами и возможностями чрезвычайно трудно форсированным темпом развивать социалистическое



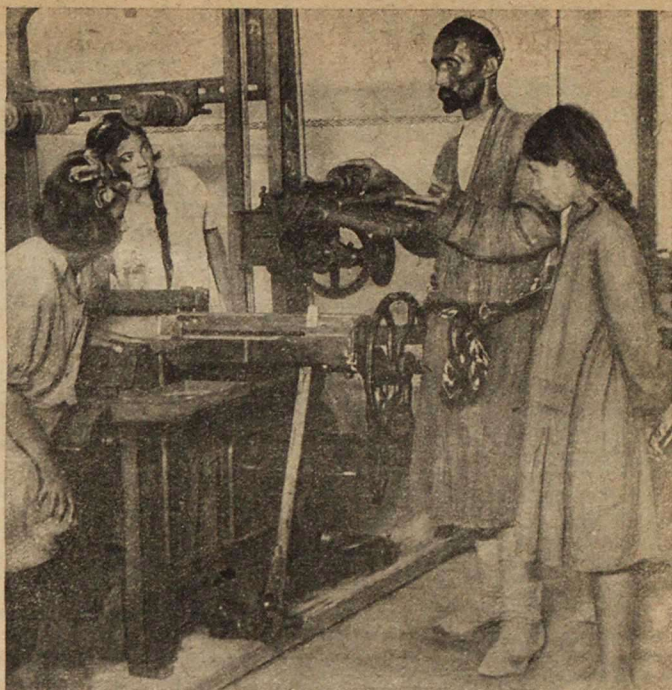
Идут из школы



Пионеры



Узбек-тракторист



Занятия в текстильном техникуме Узбекистана

хозяйство. «Если наш Союз является отсталой страной по отношению к передовым капиталистическим странам в области культуры и народного просвещения, то наши республики являются еще более отсталыми и поэтому темп форсированного народного просвещения здесь у нас должен быть более быстрым и решительным». Речь идет не о грамотности вообще, а о такой грамотности и организации культурных сил, которые способствовали бы социалистическому строительству. Это в свою очередь означает подготовку грамотных и культурных людей, знание и специальность которых будут соответствовать потребностям советского социалистического хозяйства. По этой линии делаются пока только первые шаги.

Есть ли перелом в вопросах культурного строительства, перелом как в установке всего культурного строительства, так и в темпе работы? Мы думаем, что как в первом, так и во втором вопросе несомненно произошел перелом. В качестве наглядных примеров приведем несколько фактов.

В бюджете союзных республик на 1928 год по народному образованию рост был намечен следующим образом (по отношению к предыдущему году): по РСФСР и Украине — по 17 проц., по Белоруссии — 17,8 проц., а по Туркменистану — 36 проц. и Узбекистану — 44 проц. Такой темп роста народного образования и культурного строительства вообще диктуется той задачей, которая, как мы указали выше, поставлена партией и советской властью в период индустриализации страны.

В 1923—24 учебном году общее число учебных заведений профобра в Узбекистане было — 59, а в Туркменской ССР — 11. Через пять лет, т. е. в 1927—28 уч. году, в Узбекской ССР рост выразился в 191,5 проц. по отношению к 1923—1924 г. и 327,3 проц. в Туркмении. То же самое относится и к дошкольным учреждениям. Если в 1924—1925 г. в Узбекистане было 11 дошкольных учреждений, а в Туркменской ССР — только 8, то в 1927—28 г. в Узбекистане было 46, а в Туркменистане — 40 дошкольных учреждений.

Укажем еще на одну сторону культурного строительства. В конце 1927 г. по Узбекистану было 1.307 школ ликбеза с общим числом учащихся — 37.743 чел., красных чайхан — 217, домов деханина — 17, клубов — 149, совпартшкол — 8 и т. д. Эти данные в значительной мере указывают на культурный рост основной массы коренного населения. Мы не будем останавливаться на других областях культурного строительства. Достаточно лишь указать, что в пределах Узбекистана издается 11 газет и 9 журналов на коренных языках, а в Туркменистане — 3 газеты и 3 журнала. Общий тираж всех указанных изданий превышает 100 тысяч экземпляров. Эти беглые данные говорят о том, что темп культурного строительства в среднеазиатских республиках намечен высокий. Этот темп в значительной мере еще отстает от намеченного темпа хозяйственного строительства. Однако, перелом в темпе и характере культурного строительства намечен, и в дальнейшем надо лишь усилить его.

АЛИ КУРБАНОВ



Рвут паранджи



Кишлачное собрание

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ



А. Аршаруни

В одном очерке обрисовать современное состояние художественной литературы народов Средней Азии, конечно, невыполнимая задача. Причин много. Укажем хотя бы на одну из них. Октябрьская революция застала народы Средней Азии на разных экономических и культурных стадиях развития: от примитивного хозяйственного уклада (пережитки патриархально-родового общества) до зачатков промышленности. В области культуры и литературы народов Средней Азии наблюдалось то же самое, что и в экономике. На ряду с богатой таджикской и чакатайской литературой существовало примитивное туркменское женское творчество. Одновременно с эротической медресинской школой в узбекской литературе развивалось безыменное народное творчество. Не касаясь этих вопросов, не дав о них элементарных сведений, трудно ответить, почему в народном устном творчестве, посвященном Ленину, Ильич стоит рядом с Александром Македонским, почему Ленин не ведет борьбу с аллахом, а наоборот, между ними существует «классовый мир», или, наконец, почему Ленина в песнях зовут шахом или халифом.

Кроме того, в средне-азиатских союзных и автономных республиках на данном этапе развития хозяйства СССР — в эпоху реконструкции промышленности и индустриализации страны, в эпоху культурной революции — проблемы культуры и, в частности, литературы приобретают особое значение. «Хозяйственный рост все время обгоняет процесс накопления культурного актива и в особенности темп роста грамотного населения» («За партию» № 7 — 11).

Если не показать классовую борьбу в литературе в период обострения этой классовой борьбы в своеобразных условиях средне-азиатских республик, едва ли читатель сможет получить некоторое представление о современной художественной литературе народов Средней Азии.

В маленькой журнальной статье едва ли можно охватить комплекс перечисленных вопросов. Оговариваясь заранее, мы даем только отдельные заметки о художественном творчестве народов Средней Азии.

В чрезвычайно сложной обстановке растет, шаг за шагом укрепляет свои позиции молодая советская литература народов Средней Азии. Не будем касаться здесь классиков феодальной эпохи, пользующихся еще достаточным авторитетом. Произведения таких классиков как Навои, Махтум-Кули, Ясави, Зелали и т. д. были изданы года два-три тому назад. Остановимся лишь на современных авторах. В грубой форме их можно делить на три группы. К первой группе относятся, главным образом, крупные писатели узбеков, таджиков, в первую очередь, начавшие свою литературную деятельность еще в дореволюционном периоде или накануне Октября. Большинство из них встретило Октябрьскую революцию следующим образом:

«Жасть спасения от волков — дело голодных».

Преодолевать каждое препятствие самими верный путь к жизни.

Поработитель станет хозяином людей и животных».

Но иметь людей со свободной совестью не мыслимо».

(Узбекский поэт Чулпан)

Или:

«Путь, по которому мы идем, — народничество. Каждый рабочий, любящий свое отечество, свою нацию, должен избегать коммунистической веры. Социализм для туземных мусульман вреден, ибо 95 проц. из них с землей и водой. Социализм послужит поводом к переходу большей части посевной площади мусульман к прочим национальностям и будет большим ударом перспективам Туркестана. Если мы дадим возможность провести земельную реформу в Туркестане, то сами останемся без земли, она перейдет к животным в лаптях, и они станут нашими хозяевами».

(Журнал «Иттилод Дунияси» № 1, 1918 г.). Так писал другой узбекский литератор Гази Юнусов.

Объяснения излишни.

Мы привели примеры, которые могут дать некоторое представление об отношении «классиков» к Октябрьской революции. В течение последних лет несомненно произошел некоторый перелом. Даже последний автор — Гази Юнусов — за последние годы написал до 30 «революционных» пьес. Однако, осталась для первой группы одна общая характерная черта: когда знакомимся с их произведениями, то обнаруживаем общую для всех литераторов этой группы «растерянность», неудовлетворенность окружающей действительностью и отсутствие выхода из этой неудовлетворенности. Мистика, резкий индивидуализм, растерянность перед сегодняшним днем — вот что характерно характеризует содержание нашей литературы сегодня» (Журн. «За партию» № 7, стр. 66).

Естественно, что неудовлетворенные окружающей действительностью, не находя объекта своего творчества в советских условиях, они ищут его в далеком прошлом. Лишь бы отойти от сегодняшнего дня, не заметить происходящей вокруг них борьбы.

Ко второй группе литераторов можно и нужно отнести так называемых левых попутчиков. К этой группе относятся в Таджикистане Айни, в Туркменистане — Кули Мухамедов и др. Эта группа в той или иной мере связана со «стариками» по своей предыдущей работе, с одной стороны, а с другой — делает попытки подойти вплотную к современности, дать в своих произведениях современную эпоху. В этом отношении чрезвычайно интересна повесть Садреддин-Айни «Адиэ или приключения бедняка-таджика». Повесть Айни заслуживает внимания прежде всего потому, что автор впервые в таджикской литературе показал борьбу между деревенской беднотой и байством. Не будем останавливаться на недостатках этого интересного произведения. Их очень много. Укажем лишь, что

героем повести является бедняк-таджик, получивший некогда закладку на заводе.

Перейдем к третьей группе. К ней относятся молодые революционные и пролетарские писатели и поэты.

Среди молодых литераторов Средней Азии имеются талантливые поэты, о которых можно смело сказать, что они занимают заметное место в напильнике. К их числу можно отнести таких пролетарских писателей, как: Бату, Мир-Темир, Шакир, Сулейман, Гаяти, Алтай и др. Много было чуждого, непонятного в творчестве молодняка: увлечение футуризмом, подражание «старикам». Поэтому не всегда творчество молодняка было доступным массовому читателю как по форме, так и по содержанию.

Отличительной чертой творчества молодняка является пролетарский интернационализм. В этом положительная черта молодой растущей пролетарской поэзии в Средней Азии.



Садреддин Айни — современный таджикский писатель



А. Кадры — современный узбекский писатель

Не пиши о лучах небесных звезд,
Пиши о звездах революции,
Часах, минутах, когда
пролетарский люд собран
Под красное знамя и трудится. (Алтай).

Молодняк растет, завоевывает себе позиции на идеологическом фронте, борется за пролетарскую идеологию. Но он еще и теперь

имеет много недостатков. Пролетарские писатели не знают в достаточной мере кишлака и не отображают его в своих произведениях. «Самым характерным является тот факт, что в пролетарской литературе на узбекском, туркменском и киргизском языках мы до сих пор не имеем ни типа



Лакхути — современный таджикский поэт

рабочего, ни типа крестьянина». Так характеризовали современное состояние современной литературы народов Средней Азии в июле 1928 г. в руководящем журнале Средней Азии бюро ЦК ВКП(б) «За партию».

Устное творчество у всех народов Средней Азии заслуживает внимания. Мы имеем в виду, естественно, безыменное творчество послеоктябрьского периода. Революционный, послеоктябрьский эпос народов Узбекистана, Таджикистана, Туркмении создаст, главным образом, сам дехканин. Его песни поются в Ферганской области, в Заревшанской доли-



Латфон-Нури — современный таджикский поэт

не, в песках Туркмении... В этих песнях смешались понятия, эпохи, культуры и классы... Октябрьская революция и газават, Ленин и аллах, годовщина Октября и байрам, старая ленинская гвардия и мюриды Ленина — подобные сочетания и сплетения понятий указывают, что наступающая пролетарская идеология на основе реальной экономической базы (земельно-водная реформа, нацразмежевание и т. д.) нанесла сокрушительный удар старой культуре, традициям, шариату, веками господствовавшим. Достаточно привести несколько примеров, чтобы убедиться в этом.

Туркменский народный певец — бахши — к 10-летию Октября поет следующую песню:

Октябрь-байрам, не курбан-байрам.
Беднога не смеялась в курбан-байрам:
Веселился тот, кто резал для мулл овцу.
В Октябрьский праздник —
Никаких жертвенных овец.
Без этого весело беднога.
Яшасун — праздник «безовечников».

Киргиз, увидев молнию, поет:

Эта молния из глаз Ленина,
Выгоняющего из рай души богачей.
Сейчас в рай большой шум, —
Ленин бьет всех палкой.

Примитивно, но характерно. Рай теряет свою заманчивость и таинственность.

Можно было бы привести еще десятки аналогичных отрывков. Однако, и эти отрывки в достаточной мере подтверждают высказанную нами мысль.

Песни народного певца в достаточной мере показательны. Они указывают прежде всего, что дехканин в Средней Азии знает и любит Ленина и его дело. Он, этот неграмотный дехканин, уверен, что «мюриды Ленина» — коммунистическая партия — будут продолжать начатое дело Ленина. Чтобы показать, как народный певец понимает значение Владимира Ильича для среднеазиатских крестьянских масс, мы приведем отрывок из народной песни «Не забудем мы имени Ленина».

...Пусть сравняются с землей вершины
Памира,
Пусть океан зальет это место,
Пусть на этом месте вырастут новые горы,
Величиной превосходящие первые в десять раз.
За это время железной стопой пройдут века
по земле,
И люди забудут названия стран,
Где жили раньше предки,
Люди забудут язык предков,
Но имя Ленина не забудут они.

Разве эти строки не говорят о той чрезвычайно глубокой борозде, которую провела Октябрьская революция в сознании крестьянских масс Средней Азии?

Ленин дал гафизам право петь о чем угодно, и они сразу все запели о нем.

В народном творчестве отражен также быт, условия труда и роль в хозяйстве туркменки. Пережитки патриархально-родового уклада, кочевое хозяйство и культурная отсталость в достаточной мере определяют положение труженицы-туркменки. Свои переживания, настроения, чувства и мысли туркменка передает в женских песнях автором которых является

та же самая туркменка. Эта область народного творчества почти еще не изучена. Объективные условия (трудный доступ, а иногда и невозможность записи, неизученность диалектов племен и проч.) до сих пор задерживают изучение. Достаточно сказать, что институт туркменской культуры в лице его научного сотрудника А. П. Поцелуевского собрал и систематизировал 800 песен туркменки, чтобы оценить научное значение проделанной работы.

Песни туркменки, — четверостишия, главным образом, — своей несложностью разочаровывают читателя, ожидающего «экзотики». Лексикон туркменки чрезвычайно беден. Образы и фантазия примитивны. Кругозор узок. Темы, мотивы, размер песни и количество строк — ограничены. Все эти признаки указывают, что кочевое хозяйство в песках Туркменистана, изолированность его оставила творчество туркменки в зачаточном состоянии.

Приведем примеры из цикла «материнство». На наш взгляд цикл «материнство» должен быть показательным для настроения и переживаний туркменки. Какие песни поет она у колыбели своего ребенка? Как воспитывает его туркменка?

Я буду тебя ублаживать,
Укрою тебя бархатом

И после долгих, долгих поисков
Найду тебе желанную девушку.

Это все, что туркменка может сказать своему ребенку. Ласки ограничены. Да, собственно говоря, их и нет у нее. Другая мать более нежна со своим ребенком. Она поет:

Я буду баюкать тебя,
Гулять выйду с тобою в сад.
Подарю тебе преподнесу —
Алых цветов из сада.

Встречаются, однако, и такие песни:

Ротик — с наперсток,
Носик — как фишанка...
Тот, кто это сделал, —
Искусный мастер.

Приведем еще стихотворение из цикла «Первое чувство».

Разве может быть скала без верхушки,
А основание ее разве может быть без камней?
Неразумный, несведущий юноша,
Разве девушка может быть без друга?

Приведенные отрывки в достаточной мере иллюстрируют характер песен и мотивов туркменки. В то время как народный певец (бахши) поет песни на революционные темы, туркменка ограничивается личными мотивами.

* * *

Советская литература народов Средней Азии проходит этап «первоначального накопления». Пролетарские поэты работают не только в Узбекистане, но и в Туркмении. Среднеазиатская революционная и пролетарская литература имеет авторов, вполне оформившихся. Это все, однако, не значит, что пролетарская идеология в Средней Азии по линии литературы завоевала решающие позиции.

Борьба еще впереди, борьба жестокая. И нет сомнения, в этой борьбе победительницей выйдет пролетарская литература.

СТИХИ

Ламбон-Нури

родился в Тегеране в 1899 г.; редактировал газету «Иране Соорх» («Красная Персия») — центр. орган Ревкома Персии. В конце 1921 г. эмигрировал в Баку. В настоящее время — отв. редактор таджикской секции Центриздата Народов СССР.

НУЖДА И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Что для голодного лазурное небо?
Он по миру бродит
Печальный, больной.
Ему бы краюшечку черствого хлеба!..
Безжалостен летний полуденный зной.

Голодный старик видит —
Рядом пекарня.
Сердце не выдержит — громом стучит...
— Стой же, разбойник! —
Удар за ударом
Щедрей соловьиного пенья в ночи.

Похищенный хлеб растоптали копыта:
Начальник полиции сам проезжал!
— Будьте вы прокляты,
Все те, кто сыты!..
Мрачной тюрьмы беспощаден подвал.

Заплакал старик,
Склонив на колени
Голову пыльную в пыльной крови.
— Будьте вы прокляты! — криками
мщенья,
Ты угнетателей вновь позови.

Терни же, товарищ!
Не ты ли знамена
Алей лепестков на майдане¹⁾ встречал?
И верь:
Старый мир, бедняками сметенный,
Погибнет...
Крепчает революции вал!

Пер. А. Чачиков

Нуры-Ниязов

известный туркменский народный бахши (певец).

ДЕРЕВО СОВЕТОВ

Славное дело случилось в Октябре
Десять лет тому назад:
Обрадованный новой,
Пылающей зарею,
Раскинулся новый сад.

Прекрасное дерево — краше всего —
Выросло в этом саду.
Но ветви раскидистые его
Не заслонили советов звезд.

Бедняк усталый, смейся.
Не тоскуй и верь в него.
Луна — лишь спелый персик
На вершине дерева!

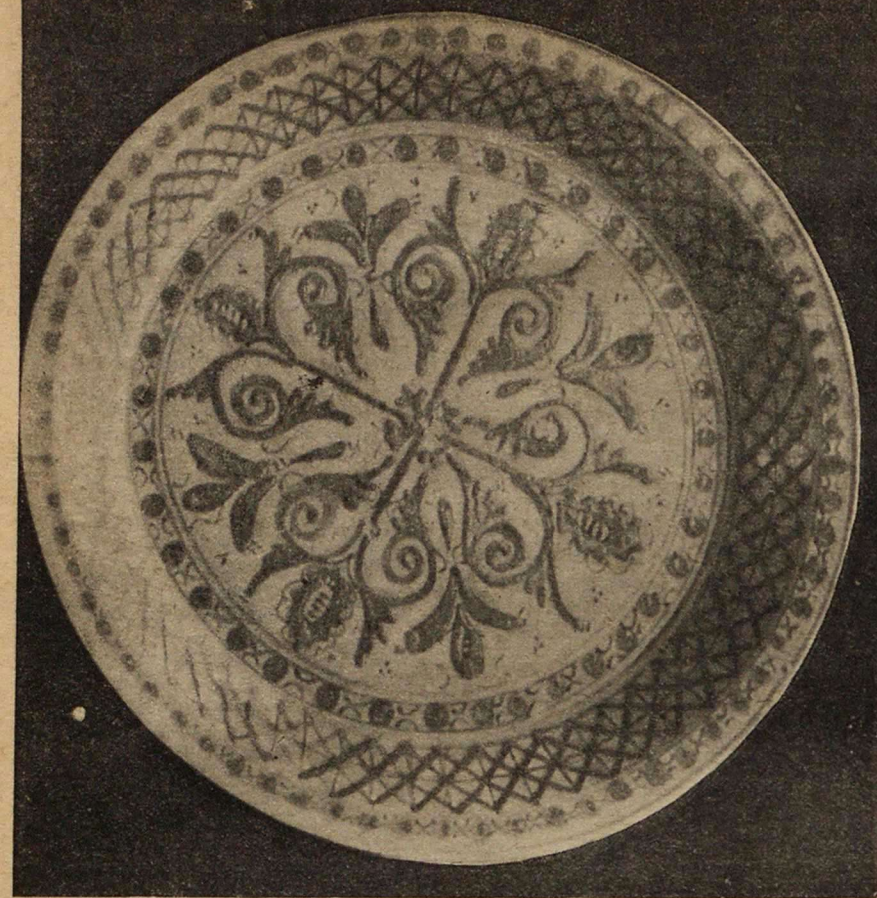
Ветви идут во все стороны:
Самая большая ветвь — Москва.
Давно пропали вороны —
Черные слова.

Вот ветви протянулись
На Запад и Восток,
Приветно улыбнулись
Им ветер и поток!

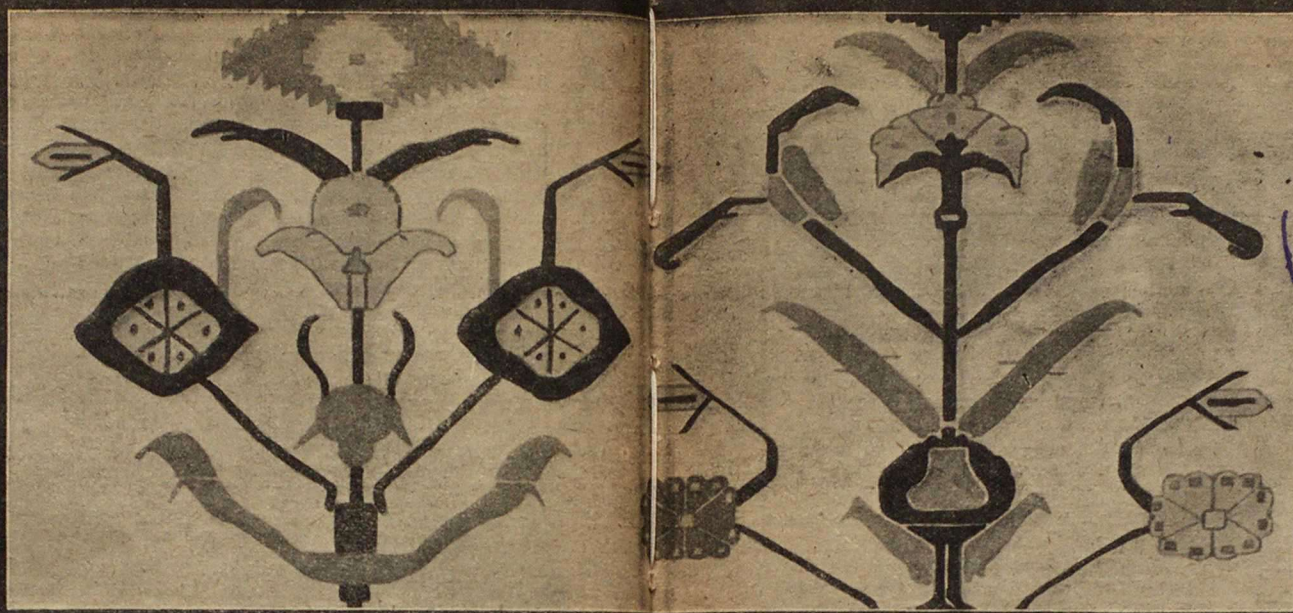
Туркмению увидели
И много дальних стран...
Дивятся на то дерево
Иран, Афганистан!..

Пер. А. Чачиков

¹⁾ Майдан — площадь.



Блюдо современного керамического производства (Музей Восточн. культур, Москва)



Кайма средне-азиатского ковра (Музей Восточн. культур, Москва).

ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ



Блюдо современного керамического производства (Музей Восточн. культур, Москва)

С первых же лет революции в Средней Азии начали организовываться группы художников для работы в деле художественного образования на местах. Инициатива исходила как от местных сил, так и от временно оказавшихся там художников, объединившихся с местным активом. Одна группа художников — Татевасян, Богман, Еремьян и Никитин — основала в Самарканде художественную школу, которая работала в течение 1918 г., а в 1919 году была реорганизована в мастерские с несколькими отделениями; в этот же период отделом ИЗО медал художник М. С. Богман. Мастерские ставили своей особой задачей распространение художественного образования среди широких масс местного населения.

Работа шла успешно, при чем было выявлено много талантливых работников. Но, просуществовав до осени 1921 года, мастерские должны были закрыться из-за недостатка материальных средств. Художники Майзель и Владычук стали во главе основанной ими в Асхабаде школы в 1920 году; сюда впоследствии переселилась и часть учеников самаркандских мастерских после их закрытия. Некоторые из них теперь продолжают свое художественное образование в Москве и оканчивают Вхутеки.

Почти одновременно с самаркандскими мастерскими — в 1919 г. — работала школа в Ташкенте при участии художников Казакова, Исупова, Волкова, Головина. В 1920 году к ним присоединились приехавшие из Москвы художники Мордвинов и Комиссаренко, которые были и реорганизаторами дела художественного образования в Ташкенте. Характерным для работы большинства этих культурных начинаний было выявление целого ряда молодых талантливых художников из местного населения.

В настоящее время художественное образование в Средней Азии переживает кризис, начавшийся в течение последних лет. Школа и мастерские закрываются, художники-руководители вынуждены искать работы в других местах, и многие из названных выше переселились в Москву и работают здесь. Причина этого лежит в невозможности для художественных школ существовать на хозрасчете и в отсутствии необходимой материальной поддержки со стороны местных органов, что очень прискорбно, так как тяга к художественному образованию на местах велика.

Художественные возможности, живущие в местном народном живописном творчестве, находят свое отражение в своеобразных стеновых росписях «нахоши». Так называется и художник и самая роспись, которой украшаются стены зданий, например, чай-хана. В этих бытовых современных росписях проявляется народная декоративно-живописная традиция местного населения. В области декоративного народного творчества Средней Азии — текстильных изделий, изделий из металла, дерева, кожи и т. д. — по размерам производства и по исключительному значению в жизни населения несомненно первое место принадлежит ковровым изделиям. Важность этого вида производства повышается и тем, что в настоящее время ковры служат предметом экспорта за границу и занимают видное место в экономике страны.

Происхождение коврового производства относится к временам глубочайшей древности, и имеются все научные основания, чтобы считать, что ранее всего ковры начали выделываться кочевниками обширных степей Средней Азии, где существовали материально-экономические и социальные предпосылки, обуславливающие постоянное массовое изготовление ковров

в течение многих веков. Действительно, условия кочевого быта требовали утвари, легко перевозимой при постоянных передвижениях с одного становища на другое, утвари, защищавшей от резких перемен температуры континентального климата и предохранявшей от станных ветров, песчаных и снежных бурь. Всем этим требованиям удовлетворяли ковровые изделия, гибкие и плотные, которые не только сами представляли легко перевозимую обстановку жилища, но и являлись местом для хранения и перевозки других вещей — например, настенные ковровые мешки «чувалы» и «мафрачи», замешанные в жилище комоды и шкафы, или переметные сумы — парные ковровые мешки для перевозки вещей. Ковром застилался пол, им покрывалось ложе, небольшим ковром «энси» зашивался вход в кибитку, пятиугольные коврики служили для украшения верблюдов во время свадебного шествия и т. д. Материал для ковров и красочные вещества для его окраски давали стада кочевников и окружающая природа. Совершенно естественно,

что в этом производстве кочевых народов со всею полностью проявились их творческие возможности, создавшие весьма сложную и своеобразную орнаментальную область, занимающую совершенно исключительное место в современном ковровом производстве Востока. Среднеазиатские ковры известны всему миру и ценятся как по своему высокому производственному качеству, так и по спокойной гармоничной расцветке с явным преобладанием красно-коричнево-кирпичного цвета с небольшим участием немногих добавочных тонов, главным образом, синих и белых; это своеобразие красочной гаммы сочетается с весьма характерной орнаментацией, отличной от всех других ковровых типов. Из современного производства лучшими качествами отличаются ковры текинские, иомудские, пендинские.

Орнамент ковров Средней Азии претерпел значительные изменения со времени проникновения туда торгового капитала, так как ковры на продажу для вывоза стали выделываться более спешно и шаблононо с явными изменениями в сторону огрубения как в области

материала и техники, так, особенно, и в рисунке, который становился все более и более схематичным и геометризованным, постепенно в большинстве своем утрачивая лучшие черты подлинного народного творчества.

В настоящее время на местах принимаются решительные меры к возвращению производства ковров к прежним краскам и полному вытеснению анилина. Работа концентрируется путем раздачи как шерсти, так и прочных красящих материалов кустарям, при этом централизуется и последующая сдача готовой продукции. Благодаря этому, в производственных качествах ковров последних 2-3 лет наблюдается несомненное улучшение по сравнению с непосредственно им предшествовавшими. Главным центром современного производства является Мерв.

Меры по улучшению ковровой продукции не следовало бы ограничивать одними техническими качествами; не меньшее значение имеет и художественно-орнаментальная сторона. Введение художественного корректива в ковровое дело Средней Азии имеет величайшее значение, тем более, что для этого существует и целый ряд чисто экономических оснований. Пока современная ковровая продукция повторяет ушадный орнаментальный шаблон, сложившийся в течение ближайших довоенных десятилетий, — она за границей будет расцениваться не более, как средний рыночный товар удовлетворительного технического качества. В случае же правильной постановки дела руководства работой, вместе с художественным качеством возрастает и валютная ценность вывозимых ковровых изделий. Конечно, эти меры должны опираться на базу научного исследования и

не идти по линии наименьшего сопротивления, путем простого механического копирования нескольких рисунков, иначе и здесь дело опять сведется к шаблону, и, естественно, не даст желаемых результатов.

Изделия из обожженной глины — керамические изделия — современной Средней Азии продолжают древнее производство страны, но в значительно более элементарном виде, с явным упрощением техники и художественного украшения. По большей части это посуда для местного домашнего обихода — блюда, чашки, кувшины, крынки и т. д., выделанные из желто-коричневой глины и покрытые глазурью разных цветов, отражающих в своей декорации орнаментальные мотивы народного творчества, часто растительного характера. Но техническое и художественное их качество стоит на уровне среднего кустарного производства, так как именно такие недорогие изделия удовлетворяют современному массовому спросу. Попрежнему выделка их главным образом сосредоточивается в Самарканде, Раштани и Бухаре.

Новый быт вносит значительные изменения в область народного творчества. Старые формы отходят в прошлое. Кустарная промышленность в некоторых областях, как, например, в ковровой, переходит на высшую производственную базу, и, при правильном продолжении направления этого дела, от него можно ожидать очень важных результатов как для самого народного творчества, так и для поднятия экономического положения страны и развития ее производительных сил путем дальнейшего улучшения качества продукции.



С. Мальт

«Водонос»

Ф. ГОГЕЛЬ

НОВЫЙ ТЮРКСКИЙ АЛФАВИТ

Статья Агамали Оглы — пред. ВЦК НТА



Тов. Агамали Оглы

ПОНЯТИЕ «культурная революция» могло возникнуть и определиться только в процессе советского строительства и является его продуктом, ибо потребность в этой революции могла родиться и развиваться только из советской практики. В странах капитализма и империализма нет надобности в культурной революции, которая противоречит буржуазным общественным отношениям.

Восток задыхался в замкнутости. Главной причиной этому был алфавит. Турко-татарская молодежь тратила все свои силы на десятилетнее обучение, чтобы овладеть мусульманской письменностью. На общее образование не хватало сил, не хватало времени.

Советский Союз, руководствуясь идеями Ильича пробудить народы Востока от вековой темноты, правильно подошел к ликвидации главного тормоза культурного развития турко-татарских народностей: к упрощению шрифта, которым пользовались восточные народы.

В одной из республик (Азербайджан) уже кончена вся работа по латинизации, вся печать перешла на новый турецкий алфавит.

По старому алфавиту грамотных было 8 проц., среди них рабочих и крестьян самое ничтожное количество. Теперь же по новому алфавиту грамотных 20 проц., и, конечно, главным образом рабочие и крестьяне.

Небезынтересно отметить, что в низах лучше читают по новому алфавиту; и это объясняется тем, что низы не имеют неслыханных грамот.

Но так или иначе — перелом совершен. Среди других республик Узбекистан имеет по приблизительному подсчету грамотных по новому алфавиту 175 тыс. человек. Это за полтора года работы. Узбекистан, вероятно, в недалеком будущем также окончательно проведет у себя латинизацию. Туркменистан также находится в стадии полной реформы алфавита. По старому алфавиту здесь мало грамотных (5 проц.). Это дает большую успешность новому делу: новый алфавит по распространенности здесь перемахнет старый.

Казахстан сильно взялся за работу. Пропаганда и агитация фактически закончены и приступлено к проведению в жизнь латинского шрифта. То же самое наблюдается в Башкирской и Киргизской республиках.

В Татарской республике проделана огромная работа. Есть задание ударно сверх существующих грамотных по новому алфавиту в течение нескольких месяцев ликвидировать неграмотность 50 тыс. человек из рабочих и крестьян. Такое же задание дано и другим республикам.

В республиках Северного Кавказа наблюдается также отрадная картина: три газеты перешли на новый алфавит, а остальные имеют по одной, по две вкладки по новому алфавиту. Есть твердая уверенность, что в скором времени работа по латинизации закончится.

Так или иначе, в нашем Союзе есть предположение закончить переход на новый алфавит в течение двух лет, т. е. к 1 января 1931 года.

Большие затруднения встречаются в техническом оборудовании типографии и приобретении пишущих машин, а также в связи с бумажным голодом. Устранение этих затруднений ускорило бы окончание работы и быстрого охвата масс новым алфавитом. Я думаю, что с этим алфавитом массы очень скоро ликвидируют свою неграмотность, и так называемая пронасть,

Новый турецкий алфавит — орудие культурной революции на Востоке.

Главным тормозом культурного развития турко-татарских народностей является трудность мусульманской письменности. Чтобы овладеть простой грамотой, нужно было потратить долгие годы. На общее образование не хватало сил и времени. Советской властью в борьбе за культуру народов Востока постановлено перейти на новый турецкий алфавит (на латинской основе). О значении этой реформы и говорит в своей статье председатель Всесоюзного Центрального Комитета нового турецкого алфавита тов. Агамали Оглы.

которая отделяет ее от грамотности, скоро перестанет существовать.

Революционное значение нового турецкого алфавита не подлежит никакому сомнению. Со старым алфавитом была связана масса предрассудков, суеверий и вся исламская косность, так как этот алфавит считался произведением бога, а не человека. Это понятие новым алфавитом разрушается в корне.

Самое же главное в том, что грамота, прежде охватывавшая верхи, духовенство, кулаков, купцов, помещиков и исламскую интеллигенцию, перекочевала теперь в широкие трудовые массы. Духовенство лишается авторитета, т. к. оно было знатоком арабской грамоты. Увы, теперь этой грамоты не стало. Изоляция духовенства в новом мире при этой ситуации несомненна.

Революционность нового алфавита заключается еще в том, что люди другого языка легко заучивают этот алфавит, а с его помощью и язык. Между тем, старый алфавит представлял собой китайскую грамоту для взаимного проникновения культуры, так как был доступен только ученым. Конечно, востоковеды должны и будут изучать Восток. Но я говорю не о них, а о массе. Я сейчас вспоминаю встречу с одним профессором, который высказал мысль, что с этим введенным новым алфавитом Восток теряет свою прелесть и ту самобытность, которую он, профессор, годами изучал, чтобы рассказывать об интересных вещах Востока своим читателям.

Новый алфавит от нас перекинулся в Турцию, и там уже весьма энергично принялись за его проведение. Разница между нами и Турцией заключается в том, что у нас дело латинизации пошло с низов, а у них сверху. Сопротивление же у нас

проявлялось со стороны верхов. Напр., в Казани была подана петиция 85. В эту группу входили почтенные ветераны старой жизни и уходящей культуры, которые первые почувствовали опасность грозящей им новой общестественности. Один из таких ветеранов у нас в Азербайджане с горечью воскликнул:

— Итак, мы стали равными со всем народом, 30 лет был я грамотен и поучал уму-разуму других, считался человеком с положением, и все это вдруг изменилось. Это трагично.

Верно, это трагедия, но, проходя мимо таких маленьких трагедий, мы уничтожаем более глубокую и значительную народную трагедию.

Новый алфавит обсуждается также в Персии, где у него много сторонников.

В планы реформ Амануллы входил также и новый алфавит. Но английская политика сумела организовать темные исламские силы и временно ликвидировать в Афганистане все начинания. Со дня первого союзу у нас туркологического съезда Англия очень злобно относится к нам и к новому алфавиту, как проводнику культуры. Англичане обиделись на то, что какие-то турки, которых не так давно изучали, как остатки древности, доросли до туркологического съезда и решились заменить старый алфавит новым. Англичане правильно оценили значение нового алфавита. Они, скрепя сердце, готовы примириться с уничтожением женского затворничества, с отделением мечети от государства и т. п., но новый алфавит — этому они будут препятствовать.

Совсем недавно в органе английского министерства колоний «Нир-ист» была напечатана статья, разносящая Турцию за новшества и, главным образом, за латинский алфавит. В этой статье подчеркивается, что переход с арабского на латинский алфавит роняет значение корана, испосланного с неба Магометом.

Словом, орган английского министерства колоний старается играть на самых консервативных, закоснелых струнах религиозного фанатизма и невежества мусульман. «Нир-ист» задает при этом тон наиболее реакционным элементам и муллам восточных стран.

Но раз Англия повела атаку против нового алфавита на Востоке, этим вернее всего доказывается революционное значение нового алфавита. Все это предвидел Ленин еще в 1922 г., когда только начиналось движение в пользу нового алфавита.

Самый сильный удар на Востоке по суевериям и предрассудкам наносит новый «греховный» алфавит. Замечательно то, что в затворнических странах, как, напр., в Средней Азии, в Азербайджане, алфавит облегчает раскрепощение женщин и вызывает при своем возникновении оживленное обсуждение «за» и «против».

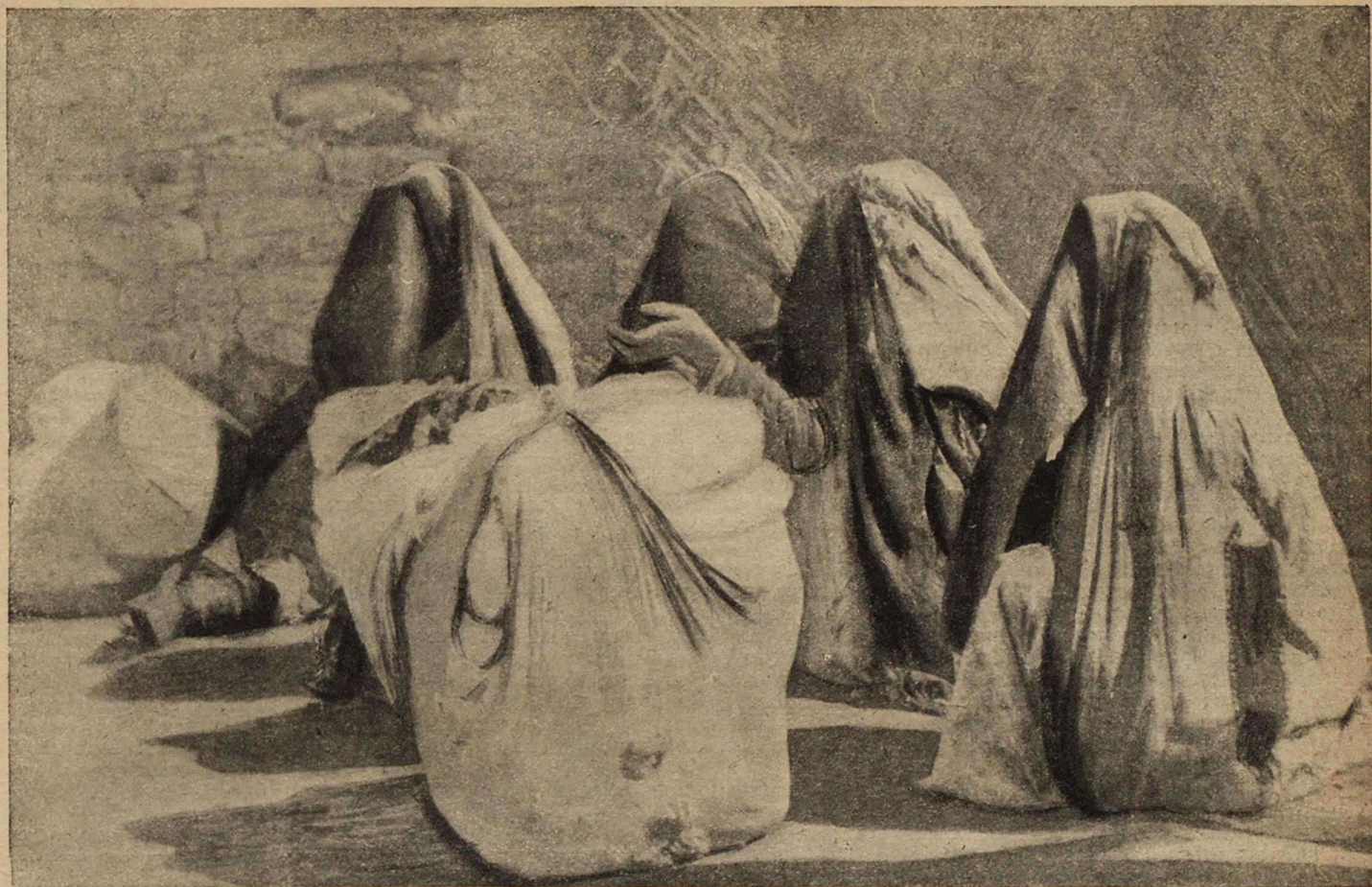
В нашем Союзе за алфавитом должна последовать другая революция: раскрепощение женщин. И оно уже идет сильным темпом.

Народы севера не совсем ясно представляют себе ту бурную работу, которая протекает в отсталых национальных республиках, в особенности в затворнических обществах, и это до известной степени тормозит работу, которая признана нашей партией одним из русел великого революционного потока.

Aa	Bb	Cc	Çç	Dd	Ee	Əə
Аа	Вв	Сс	Çç	Дд	Ее	Әә
Ff	Gg	Qq	Hh	Ii	Jj	Kk
Фф	Гг	Ққ	Һһ	Ии	Јј	Кк
Ll	Mm	Nn	Ŋŋ	Oo	Өө	Pp
Лл	Мм	Нн	Ŋŋ	Оо	Өө	Рр
Qq	Rr	Ss	Şş	Tt	Uu	Vv
Qq	Рр	Сс	Şş	Тт	Уу	Вв
Xx	Yy	Zz	Žž	Ьь		
Хх	Уу	Зз	Žž	Ьь		

Унифицированный новый турецкий алфавит

ЖЕНЩИНА ВОСТОКА



ВЧЕРА. Узбечки на Кокандском базаре



СЕГОДНЯ. Узбечка на консультации у инструкторши женотдела (Ташкент)



Очерк

Эмира Саргиджана

В городе славы Тамерлановой, куда свозил он добытые в походах сокровища, пленников, пленивших его красотой и талантами, куда, пренебрегая жизнью, являлся взглянуть на него Марко Поло, в городе своей любви и счастья сложил эмир себе мавзолей.

Еще его войска победоносно проходили отдаленнейшие области мира, еще горячая кровь переполняла его сердце, еще жены владели его неугомонной страстью, а мавзолей уже стоял, напоминая о бренности, о неизбежном, о тщете славы и завоеваний.

До сего дня сияют синевую небес диковинные изразцы на мавзолейном куполе, до сего дня не стерлись молчаливые стихи Корана, вычеканенные на мраморе стен. Холодея, лежат еще те плиты, по которым прошел любознательный венецианец, над которыми бегом пронесли бездыханное тело повелителя. И обаяние славы его перешло пределы веков, затмило предшественников и преемников, и старый шейх Абу Джалиль поныне бережет тишину гробницы, разводит цветы у входа, засветив фонарь, водит европейцев в подземелье, показывает им плиту, на которой написано о великих делах Тимура, о его дедах и прадедах.

Здесь, в мавзолее, каждое утро пятницы на плотном войлоке и ковриках рассаживаются друзья шейха вокруг шахматной доски. Эмир Тимур больше бранных дел любил эти поединки ума, и вот теперь, словно в честь его, шахматисты собираются в установленный день. Будут и впредь собираться и уже забыли о том, что обычай этот введен шейхом лет сорок назад, в золотые годы молодости.

Европа знает своих шахматистов. Они состязаются на мировых аренах, подобно жеребцам на скаковом поле. Азия не любит шума, если то не бранный шум, если герой завоевал свое имя не в битвах. Других героев она любит молчаливо. Поэты, звездочеты, шахматисты, — их имена знают и помнят на протяжении веков, но ни в годы их жизни, ни ныне, когда прах их разнесен по миру мохнатыми ногами караванов, никто не окружал их шумом. Им кланялись молча и почтительно, их песни запоминали и пели, по звездам гадали о своей судьбе, за шахматными партиями напряженно следили. И только сами игроки смеялись над неудачным ходом противника, радуясь удачному своему. Здесь слишком живо и близко к сердцу принимают жизнь. Окружающие вмешиваются в игру, волнуются, делятся на партии, — одна подсказывает одному, другая — другому. Возникает массовая игра, и вся эта компания медлительных и солидных людей, которым давними мудрецами завешана невозмутимость, теряет самообладание над деревянным полем условной битвы.

До сих пор Восток не озабочивался о книгах по шахма-

там, даже высокий Афганистан не издает шахматного журнала, игроки не знают теорий, и если они все-таки побеждают европейцев, пускающихся с ними в игру, это нужно считать двойной удачей, ходом изворотливости и вдохновения. Недаром здесь, где каждый купец знает шахматы (как в России знают шашки), где каждый шахматист относится к игре как к размышлению о жизни, шахматы в почете.

В каждом городе есть свой уважаемый шахматист, которым гордятся. Здесь над прахом эмира собираются лучшие. Домло Надир и мулло Шароф играют почти всегда друг с другом, играют быстро, как большинство здешних игроков. Играя, они неустанно друг друга подсказывают.

— Вам вот, мулло Шароф, трое подсказывают. Значит, скольких голов стоит одна моя?

— Взгляните своими восемью глазами, — отвечает мулло Шароф, — я делаю вот этот ход и вам мат...

Молчаливо и скромно ведут свою игру домло Сангин и еще молодой Турсун-Пуллат. Свои партии они начинают нерешительно, считают за честь сыграть с Шарофом или домло Надиром, но, вступив в игру, редко проигрывают и почтительно замалчивают свое очевидное торжество. Их игра стройна и вдумчива. Сангин только тербит четки или жует табак. Турсун-Пуллат скромно улыбается окружающим.

Домло Максуд, хаджи Мамат, шейх, — вот постоянные посетители этого шахмат-

ного ковра. Наредка здесь бывает Кози-Исахор — ишан, глава мусульман, слабый согбенный старик. Его снимают с седла и почти вносят. Эдоровая, ему целуют руку. Он почти никогда уже не играет, но, сидя в углу, жадно следит за ходами. Его беззубый рот, некогда объявлявший священную войну красным, жует поблекшие губы. Его усталые руки неустанно перебирают длинную нить четок, и зерна четок — бледные прозрачные капли янтаря, шарик красного коралла и почерневшей в веках слоновой кости — смешались на нити с деревянными брусками, нанизанными позже. Ваялая, иссохшая рука их перебирает, не различая драгоценного и мишурного, древнего и недавнего, как под шпоет той же молитвы смешалось в этой жизни давнее и новое, осыпающиеся камни гробниц и подпирающие их стены хлопко-очистительных заводов; женщины, покрытые средневековой паранджей, — на скамейке электрического вагона.

К этим шахматным доскам нередко приезжают игроки из других городов, — часто гостит здесь Хайдербек из Ширхауза, может быть, лучший из современных игроков Азии.

В зимнее время, когда неуютно под высокими сводами мавзолея, когда цветы во дворе осыпаются, а желтые листья сгребают для лошадей, шахматные забавы переносят на дом.

Шахматный гостяк — кружок, состоящий из тех же участников, устраивает по очереди друг у друга шахматные ночи.

Пусть дождь сечет обмерзающую землю, пусть ветер клонит опустошенные сады. В тепле, у горячего сандала, на мягком шелке одеял нетороплива жизнь, долга и уютна ночь. Это ночь с четверга на пятницу. Коврами и одеялами застлан пол. Шахматными досками и игроками покрыты ковры и одеяла. Угол комнаты заставлен лакомствами — вареньем, халвой, орехами. Там всегда чай. Чайнички чая стоят и около игроков. В полночь подается плов или суп, игроки подкрепляются и снова садятся за фигуры. Утомившись, некоторые ложатся тут же вздремнуть. Хозяин заботливо укрывает их одеялом, чтобы они, проснувшись, опять продолжали игру.

В ту ночь, когда шахматные доски легли на ковре моей кельи в благословенном Сарая Звезды, мы с домло Надиром сели на террасе перед очагом.

Искусство приготовления плова — высокое искусство. Нужно, чтобы ни одно рисовое зерно не слиплось с другим, чтобы все было в меру жирно и душисто, чтобы баранина не утратила своего аромата, а изюм и ягоды, добавленные в рис, гармонировали с общим вкусом. Поэтому домло Надир славен не только своей ученостью, шахматными



Здесь, в мавзолее... рассаживаются друзья шейха вокруг шахматной доски...

талантами, но в равной мере, а может быть, даже и более как мастер по части плова.

Абу-Сайд вышел к нам, принес с собой чайник чая и пиялу, и мы сидели втроем, глядя в ночь, прислушиваясь к голосам внутри кельи и следя за углями. В слабом свете углей на чайнике виден был тот неопределенный узор, который называется «агапкой». Есть предание, что какая-то девка Агапка, работница Кузнецовской фабрики, изобрела этот рисунок, и потребители крестьяне, пренебрегая четкими печатными рисунками, больше всех узоров полюбили этот. Что это за узор, — то ли это цветок, то ли пейзаж... Девка Агапка так и умерла в бедности и безвестности. Кузнецов получил и выгоду на этом деле и долголетнюю известность, а плеяда художников пыталась в своем творчестве подражать этим легким начертаниям. Но у городских Агапок чего-то недоставало, — непосредственности ли, искренности ли или таланта...

Наливая из этого чайника, Абу-Сайд сказал:

— Вот русские думают, что они европейцы, а человека показывают не государственные границы, а искусство. Вот этот смутный узор русским нравится больше всякой изукрашенности, потому что этот узор больше настраивает на мечтательный лад, — недописанные линии можно восстановить воображением, можно мысленно придать им те изгибы, которые соответствуют вашему вкусу. А разве эта склонность не типична для нас? Восточное искусство предпочитает намеки: турецкая музыка — это только вежи мелодии, — слушатель дополняет остальное. Вот русские любят смеяться над музыкой «шаха персидского», которому в опере больше всего понравился тот момент, когда настраивали оркестр. А ведь это и есть сущность восточного слушателя, услышать за этими еще не спевшимися голосами ту мелодию, по которой тосковало его сердце.

— Да, — соглашается домло Надир, — может быть, и шахматы мы любим за то, что они напоминают нам какие-то несбывшиеся

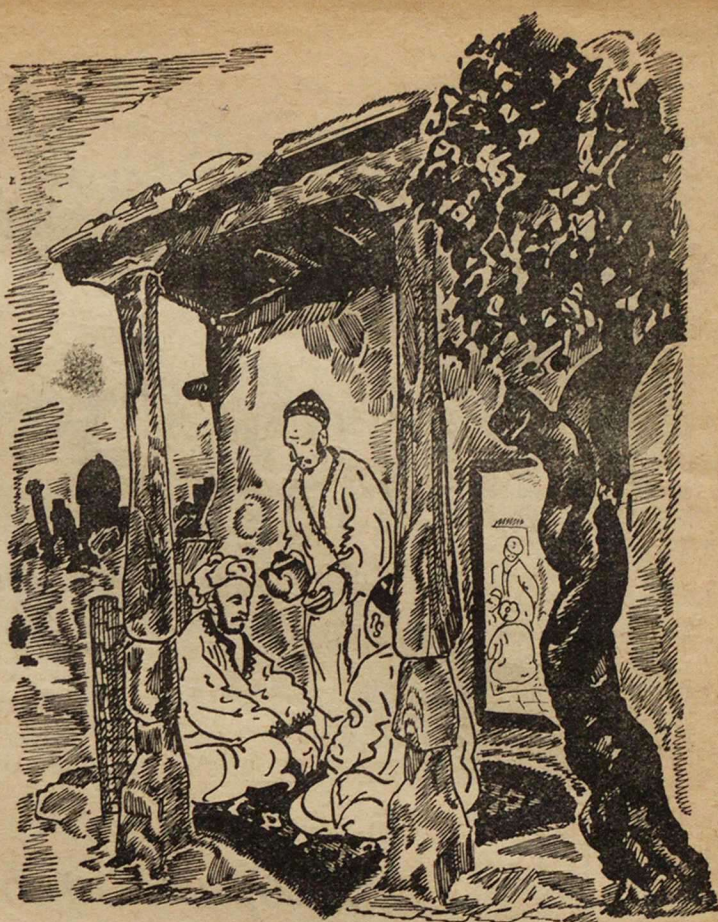
битвы, недоступную нам героиню. Вы знаете предание о шахматах?

Домло Надир великий любитель рассказывать истории и легенды. В Азии нет вечеринок, где не припомнили бы какого-нибудь предания, не рассказали бы сказки. Вечеринка должна дать отдых, должна быть уютной, а умелый рассказчик лучше других может хорошо настроить.

«В Индии при царе Рухе случилось время, бедное войнами, мирное. Тогда Рух-царь загустил и поддался меланхолии. Он предался охотничьим забавам, но они его скоро утомили. Он собрал вокруг себя лучших девушек, но убедился, что все они похожи на одну. Конные игры надломили и без того слабое здоровье царя и еще больше наполнили горечью его сердце. Тогда обратился Рух-царь к подозрительности, и секира палача засияла ярче боевых мечей.

Когда визирь увидел, что эта затея длится дольше предыдущих, он вспомнил, что и его голова не железом прикована к плечам. Тогда объявил визирь большую награду тому, кто придумает лекарство от царской меланхолии.

Многие люди предлагали многие средства — войну, вино,



Абу-Сайд вышел к нам, принес с собой чайник чая и пиялу...

нашли себя. А может быть, он просто знал эту легенду, — сказал Абу-Сайд.

Плов поспевал. Золотистое масло подернуло снежный рис. Нужно было сгладить поверхность, отодвинуть угли. Померк свет на террасе. Выступило небо вверху с белыми зимними созвездиями, с грустным млечным путем.

Ботур бой подает чилим мулло Шарофу. Мулло Шароф, всасывая дым, крепко ставит шахующего слона. Доска под ударом издает легкий звон, подобный стону. Так устроены эти старинные доски, внутри которых сделано специальное музыкальное приспособление.

С европейской точки зрения шахматная игра — это гимнастика ума, средство против ожирения мозгов. А ведь известно, с каким отвращением лезут в прохладную воду курортные больные, с каким меланхолическим или покорным лицом делают утреннюю гимнастику городские служащие. Здесь же шахматы, конные игры, борьба — не средство для исправления желудка, а игра, тесно связанная с жизнью, неизбежная часть самой жизни. Поэтому даже простой ход слона и шах королеве сопровождаются музыкой на расписных досках старой Азии. На старинных досках, расписанных в персидском стиле, квадратики не закрашивались в два цвета, — «хороший игрок и так не ошибется».

Игроки расходятся на рассвете, когда к первой молитве открываются двери мечетей, когда ползет еще зеленоватая мгла. Неся фонарики и узелки с шахматами и лакомствами для ребятишек, игроки покидают шахматную ночь.

А утром весь город уже знает результаты партий, обсуждает подробности и выносит приговоры старейшим мастерам и признанные идущим на смену.



Мулло Шароф, всасывая дым, крепко ставит шахующего слона...

Однажды он принес царю доску с шахматными фигурами, и они вдвоем погрузились в игру. Эта игра затянулась на долгое время, вплоть до дня, когда визирь в одной из партий сделал царю мат ферзем. «Ферзь» — однозначно слову «визирь», и царь истолковал этот ход как намек.

Визирь заплатил за него голову, но игра пережилась и его и царя и продолжалась с тех времен до наших дней. Таково предание.

— Один немец мне говорил в Стамбуле, что шахматы — это игра для людей, потерявших себя. Может быть, он хочет намекнуть, что мы, азиаты, еще не



Н. Коналкин

«В горах» (Зарисовка из серии «Вокруг Турксиба»)

История одного еркамелейше

Очерк Адалис

У всех наперечет болит голова, сосет под ложечкой, звенит в ушах, ломит глазные яблоки.

В вагоне мы знакомимся с шелковым торговцем.

Шелковый торговец полудремлет. Он ведет себя, как принято в халтурных романах о Востоке:

«Выходенными пальцами поглаживает черную, как смоль, бороду».

И затем.

«Медленно перебирает душистые янтарные четки».

Поезда движутся по этой захолустной ветке необычайно туго. Ветер бросает в окно пригоршни раскаленной пыли. Шелковый торговец лениво повествует:

— Аллах велик и вполне милосерд: мы живем спокойно и благочестиво, как завещали нам отцы. В нашем городе мало коммунистов. Наш город прекрасен, наши тепистые деревья не знают себе равных; наши пруды, как бирюза! В нашем парке двадцать две чай-ханы расположены полукругом, а посреди нашего парка стоит большая пивная! Наши коммунисты обедают в моем доме трижды в неделю. Мы никого не боимся. Разве жена богатого снимет покрывало со своей стыдливости? Разве дети богатого ослушаются его? У нас никогда ничего не случается — ни холеры, ни снега. Аллах велик! Приходите ко мне в гости...

Приезжаем в двенадцать дня. Купец говорит: «Мой дом — твой дом» и, обремененный отказом, смывается на фаэтоне в город. Мы останавливаемся в Красной привокзальной чай-хане. После холодной воды, после голубцов с жареными мухами, политых кислым молоком, туман в голове не рассеивается. Ехать в город не к снегу. Мы снова бредем на вокзал в ленинский уголок; у окна шумят ребята-железнодорожники; на столе «Огонек» и «Работница» за позапрошлый месяц. Я тяжело закрываю глаза и опускаю голову на стол.

Все, что затем происходит, длится, как выяснилось впоследствии в Ленинграде, ровно десять секунд.

Сначала до помутненного сознания доходит грохот гражданской войны. Атака идет с северо-востока.

«Сволочи! — думаю я, с трудом подымая голову и прислушиваясь, — какие сволочи! Они достали артиллерию и грузовики! Мы безоружны. Сию минуту я перестану существовать...».

Ленинский уголок до основания сотрясается от орудийного грома. Ребята-железнодорожники с предсмертным воплем падают друг другу в объятия и, сплетаясь в клубок, катятся к дверям. Сергеев из «Смены» берет меня за руку и принимается медленно бежать. Он почему-то мерно шлепает подошвами и высоко подымает колени.

Под аркой мы задерживаемся в толпе. Мимо моего лица падает огромный метеор штукатурки.



Н. Коналкин. «Мост через ущелье». (Зарисовка из серии «Вокруг Турксиба»)

На перроне очень светло и тихо. Веет мягкий ветер. В пальцах ног мелко бьется пульс. Четыре узбека сидят на корточках и кричат. Над дальними садами привокзальной полосы клубятся столбы пыли. Около меня стоит, заложив руки в карманы и наморщив лоб, молодой смазчик.

Я, конфузясь, спрашиваю его:

— Скажите, пожалуйста, это землетрясение?

Он любезно отвечает:

— Да, товарищ, ядри его мать!

Так был разрушен Наманган.

Время знаменитого толчка — 2 часа 34 минуты. В 2.45 мы уже сидим на чайханном помосте, избавленные от головной боли, звона в ушах и тошноты. Наша чайхана осталась цела, так же как и соседняя. Товарная контора треснула в трех углах и страхнула с карнизов кирпичи. Других строений поблизости нет; судить о разрушениях мы не можем. На мостовой стоят несколько фаэтонов. Лошади тревожно ржут и роют землю.

Еркамелейше — это рассыпавшиеся в прах дома, разгромленные базары, люди без крова, широкие дворы больницы, переполненные ранеными, бешенство дервишей в подворотнях мечетей, вой священников, вопли кающихся младенцев и стариков... Люди бегут по камням, которые еще вчера служили им кровом, глинобитные стены упали, и жизнь открывшихся садов кажется страшной, как жизнь внутренностей... Еркамелейше по-узбекски — землетрясение.

Мой рассказ очевидца ничего не прибавит к популярным описаниям землетрясения: крики животных и птиц, тучи пыли, дребезжание сотен грузовиков, груженных Содомом и Гоморрой... В европейской части города на улицах уже расставлены кровати, усыпанные известкой; между кроватями — столы, и неумные, растрепанные матери готовят трясушимися руками ужин или ставят самовары. Толчки не прекращаются. Только что развалилась аптека. На очереди распатанная тюрьма. В

тюрьме кричат уголовные: директор государственного банка, управляющий хлопкозаводом, бухгалтер, заезжий артист со змеей, железнодорожные воры, кишачные налетчики, шестеро бывших басмачей... И плач их кажется издали мяуканьем ночного зверинца.

Суть не в этом всем. Суть — в отчаянном стремлении людей во что бы то ни стало быть вместе, сбиться кучей, образовать живую цепь; суть — в потребности оказать стихийному бедствию стихийное сопротивление. Даже на открытом, безопасном месте первое движение при подземном толчке — вперед и друг к другу!

В будни Наманган полон жизнью увеселительных садов, темных харчевен и учреждений. Старики и молодежь, красные ивалиды в кепках блином и муллы в белоснежных чалмах, купцы и дехкане бок о бок толпятся по базарам. Бюрократическим жужжаньем гудят исполком и земотдел. Страшный праздник еркамелейше сплотил жителей Намангана — и, сплотив, разбил их на два непримиримых лагеря! Каждый лагерь по — своему переключается со стихией...

К ночи усиливаются толчки: к ночи над старой округой подымается с крыш хор молитвенных заклинаний. При каждом подземном раскате этот звериный стон доходит до предельной ноты и долго звенит, заглушая человеческие крики животных. В новом городе его принимают за плач женщин, отказывающих своих детей... Это муллы и ишоны ведут народ к безумию: для них еркамелейше — поистине праздник! Оно пришло в отместку за земельную реформу и за сброшенные женщины паранджи!.. В горисполком приходит... Впрочем, сначала о самом горисполкоме. Он работает во дворе, под открытым небом, потому что его дом разрушен. Тут же бессонно заседают угрозыск и ГПУ.

Мы явились в незнакомый горисполком, сели за стол и закурили. Здесь пахло безопасностью; стихия входила в свою колею.

Нам сказали «добрый вечер» и просили больше не уходить, чтобы, «в случае чего, быть наготове».

Этих людей — двух благодушно-толстых, трех непреклонно-сухих, одного с открытым лицом и одного совсем мальчика с бегающими белыми глазами — чествят в округе лодырями, волокитчиками, бюрократами, взяточниками, дураками, — но в дикие дни еркамелейше они, как-никак, солдаты революции...

Еще третьего дня, должно быть, они куражились и местничали, грызлись и разводили руками провинциальную тину.

Итак, в горисполком приходит открытая узбечка с пелой на губах. Усевшись прямо на землетрясение, посреди двора, она исходит нестерпимым стоном, потоку что «советская власть забрала ее паранджу, а аллах послал за это еркамелейше!». Она требует обратно свое «честное» покрывало, она плачет полчаса и час, а горисполком

истощает все средства дошкольного воспитания — мягкие улыбки, мягкие пинки и популярно-научный юмор. Истощившись, он клянется, что покрывал в исполкоме нет, не держат: за покрывалом пусть идет откуда пришла!

Тогда узбечка с криком порывается войти внутрь здания.

— Гей! — кричит толстяк — Петя! Не пускать! Тащить назад! Слышь?

Парнишка из угрозыска осторожно хватается женщину под мышки. Она с сумасшедшей силой отталкивает его и влетает под трещащий кров горисполкома.

Толстяки беспомощно хлопают себя по лямкам; худые передергивают плечами. Плохо дело! В одной из горисполкомовских комнат — целый склад сброшенных узбечками покрывал! Она неминуемо найдет их. Действительно, женщина возвращается укутанной с головы до ног. Но она больше

никогда, реквизируемые у частных граждан велосипеды уже нужны для новых срочностей.

Приблизительно в то же время новый город наполняется православным трезвоним; пахнет крестным ходом и кликушами... Однако, дело срывается за неувкой верующих, и в горисполком приходит, по собственной инициативе, растерянный поп в чесучевой рясе; он с интересом трется о рукава совработников и считает про себя мельчайшие подземные толчки с тем сладострастием, с каким иные люди ловят вшей.

Существует анекдот о знаменитом верненском землетрясении: «Все в порядке. Мерами доблестной полиции города Верного землетрясение пре-кра-ще-но».

Чесучевому попу отнюдь не кажется, что Наманган в порядке! Но анекдот, по-моему, замечательный, метчайший анекдот! Тот, кто попал в стихийную передрагу,

может постигнуть это. Вчера и сегодня всех наманганцев тянет поближе к милиции, — меня тоже; еще спокойнее под сенью угрозыска, а о ГПУ и говорить нечего — полное государственное обеспечение безопасности! Всякий раз, когда мне приходится войти в рушащийся дом, я боюсь с желанием выпросить себе в попутчики милиционера.

Во время стихийных катастроф едят мясо без хлеба. Хлеб не лезет в горло; пекарь боится лезть головой в печь. Мы едим мясо в фанерной харчевне в парке, который так расхваливал шелковый торговец.

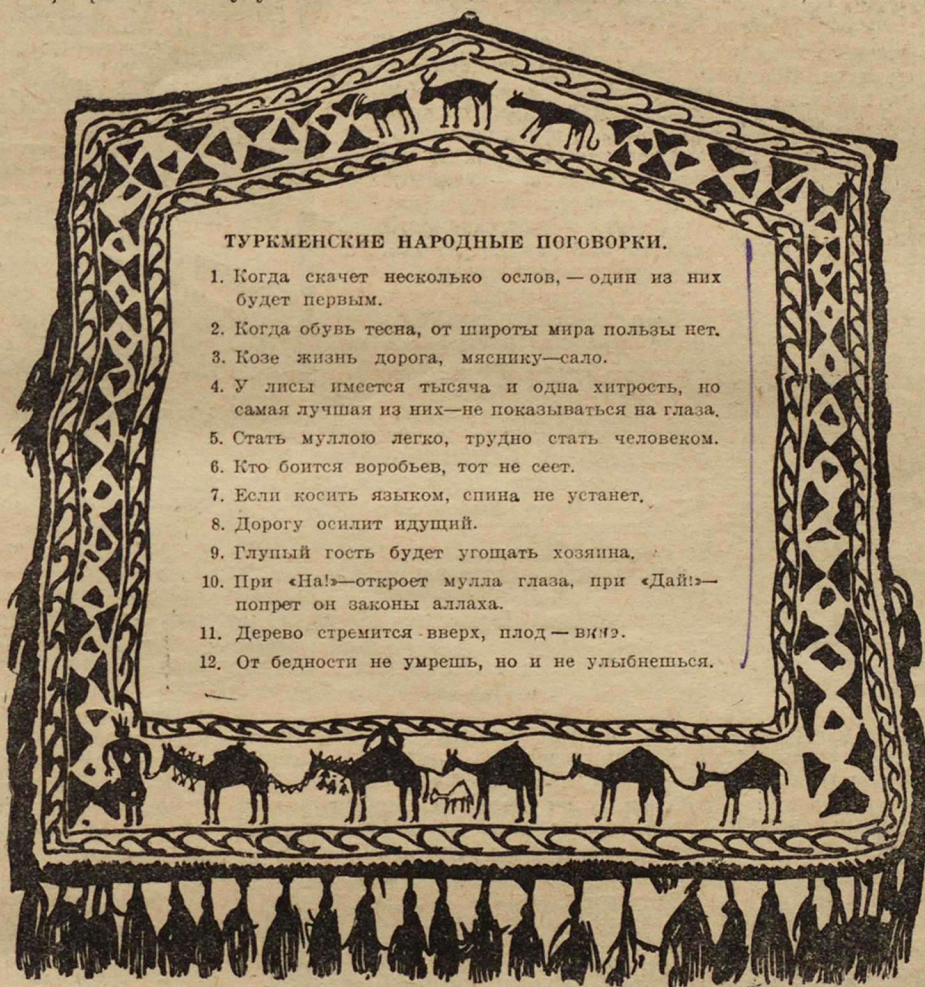
Тюрьма не разрушилась — разрушилась больница; обе они были выстроены в старые времена! Теперь в больнице, вместо палат — занумерованные лужайки. Тифозная лужайка, скарлатинозная клумба, венерическая аллея, хирургический виноградник... Фельдшера бродят, напряженно соблюдая антисептику и классификацию.

Потом снова надвигается бессонная голодная ночь; электрическая станция больше не работает. Я ухожу на пустынную вокзальную площадку, за четыре версты от горисполкома. Земля сотрясается, а звездный воздух ясен и прохладен.

Таков в ночи еркамелейше станционный участок. В этой пустыне время от времени совещаются друг с другом жалобные, тихие свистки: город ведь объявлен на чрезвычайном положении. Тени милиционеров и агентов угрозыска ходят безостановочно, как поршни, от пустыря до пустыря.

Напротив красной чайханы есть немного света; стучит вынесенный на улицу Морзе, звякает телефон и движутся человеческие силуэты. Это железнодорожный телеграф. После каждого сотрясения начинают вибрировать провода и долго поют на непредаваемый мотив еркамелейше...

Шелковый торговец был убит во дворе своего гарема куском штукатурки. Скоро выяснилось, что торговца убил под шумок его тринадцатилетний сын, а штукатурка запоздала.



ТУРКМЕНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПОГОВОРКИ.

1. Когда скачет несколько ослов, — один из них будет первым.
2. Когда обувь тесна, от широты мира пользы нет.
3. Козе жизнь дорога, мяснику — сало.
4. У лисы имеется тысяча и одна хитрость, но самая лучшая из них — не показываться на глаза.
5. Стать муллою легко, трудно стать человеком.
6. Кто боится воробьев, тот не сеет.
7. Если косить языком, спина не устанет.
8. Дорогу осилит идущий.
9. Глухой гость будет угощать хозяина.
10. При «На!» — откроет мулла глаза, при «Дай!» — поперет он законы аллаха.
11. Дерево стремится вверх, плод — вниз.
12. От бедности не умрешь, но и не улыбнешься.

Рисунок со старинного «осмолдука» (коврик)

не плачет. Ее ломкий голос звучит неуверенной ненавистью. В ее страстно извиняющейся скороговорке можно различить лишь одно слово:

— Муллы...

Она уходит, стуча гаремными туфлями. — Муллы? — недоуменно вопрошает ГПУ и тут же звонко восклицает: — Муллы!

Муллы почти завладевали старым городом. Они молятся на минаретах, несмотря на то, что при каждом подземном толчке минарет раскачивается, как правоучительный палец. Они фаталисты и знают сотни легенд. Пионеры плачут. Купцы понуждают заезжих дехкан выгружать из лавок товары. С этим пора покончить.

В старый город выезжают два неоперившихся агитатора — безнадежная история. Мы тревожно ждем до утра ужасных вестей. И вдруг: агитаторы одержали победу над обросшими премудростью муллами! Это удивительно! После боя возгордившиеся ребята требуют велосипедов; к сожалению,

ТАШКЕНТ

Очерк Вл. Булах

БЛИЗ западных предгорий Тянь-Шани, между каналами Боз-су и Самар, раскинулся на огромной площади чуть ли не в 200 тыс. гектар Ташкент.

В седую старину уходит время основания Ташкента. Сначала он назывался по-таджикски Чач-кент. Затем, когда пришли турки, был переименован в Ташкент. Впервые в VII веке китайский путешественник Сюан-дзан упоминает о Ташкенте, владельцы которого тогда были вассалами китайского богдыхана. Позднее Ташкентом владели арабы, турки, затем он был разорен Чингиз-ханом, потом им владели киргизы, затем бухарцы, у которых его отвоевали кокандцы.

В Ташкенте звонки, скрежет трамвая и бульканье верблюжьих караванов. Пронеслись форды, фиаты, бенцы, мелькают велосипеды, трещат мотоциклы, обгоняя чалмоносных узбеков, едущих трусой на маленьких большевухх осликах. В Ташкенте электричеством горят зеркальные витрины, а рядом — маленькие лавчонки с хозяином на короточках освещены горящим в сальной плошке фитилем.

Ташкент, где широки в асфальте и цементе улицы европейской части и узки, извилисты в глухих дувалах, стенах улицы старого города, — в Ташкенте причудливо переплелась старина с новью. В исполкоме разрешается животрепещущий вопрос сегодняшнего дня, а рядом, на площади — дервиши в колпаках, рубище гортанят многосотлетние слова святого корана и совершают зикры — радения над больными. Лектор по политике спешит на рабфак, а рядом, на минарете, гортанно кричит суффи в угасающей Запад:

— Ля-иль-алла...

И здесь же звон трамвая и четкие шаги маленьких скуластых пионеров, шествующих стройными колоннами.

Шум, гам, грохот, крики в узких уллицах, щелях. Разноязычна, разнолика толпа. Здесь скуластый узбек, и узкоглазый киргиз, и русские, и меднолицые, с горящими глазами, важные афганцы, и желтые персы, и стройные туркмены, и живые и юркие бухарские евреи. Здесь красные платочки делегатов и черные из конской сетки могильные чачваны узбеков.

На прыном кишмишном базаре — золотистый крупный «карши», десерт английских лордов, контрабандой, через Афганистан, доставляемый отсюда в Англию.

Здесь и янтарный гарниан, и и зеленый саяки, и черный куляб, и бедуна. Цветут горы кишмиша. А на дынном базаре — горы дынь: душистых, медовых, чарджуйских, и жилками, точно искусным художником испещренные арбакешные дыни, и грудями золотых шаров лежат бухарки.

До вечера гудят узкие щели улицы. До вечера они пестры и красочны. А когда хлестнет ночь, и день умрет без сумеречной борьбы, когда ночь серебром обольет улицы и резкой чертью вычертит тени, — улицы-щели уснут, стихнут. Только силуэты сторожей пересвистываются, хрипло лают во дворах собаки, а в пригородах, за старым городом, рыдают шакалы.

Ташкент растет, ширится. На месте прежних пустырей и на окраинах вырастают новенькие, чистенькие, блестящие свежими стенами, яркими крышами, домики. Возникло уже несколько новых городков. На Ниязбекской улице созданся городок жилрабстроа, вырос городок им. Ахун-Бабаева, на Касьяновской улице, а на бывшей Тезиковой даче — городок 1-го мая. На бывшем военном поле возник городок Ленина.

Жилплощадь Ташкента за последнее трехлетие выросла на четверть. Но это не устранило жилищного кризиса. Он силен, и чтобы его устранить, нужно построить еще один Ташкент.

В старом городе большие глинобитные мазанки. Из 35 тыс. построек старого города не насчитывается и 500 кирпичных. Но с каждым годом на фоне глинобитных серых мазанок, вместо них, вырастают новые европейские здания. Большим, стильным в старом городе вырос узбекский театр,



«Старый Ташкент». Гравюра на дереве С. Мальта. (Ташкент).

раскинулись по городу в стиле старинных мазаров электрические будки.

Если прежде электричество было привилегией нового европейского города, то теперь электричество и в старом городе, где вместо прежних континших сальных плошек — электрические лампочки. Вместо мечети — в старом городе фабрика узбекского кино, выпускающая одну за другой узбекские кинофильмы.

В Ташкенте создается мощная электрическая станция на Боз-су, которая использовала этот стремительный канал, не даром носящий название «танцующая вода».

Новые дома, электричество, трамваи, автомобили в старом городе больше никого не поражают. Никто не изумляется этим шайтановым делам.

В Ташкенте десятки школ — от ликбегов до высших учебных заведений: среднеазиатского коммунистического университета, среднеазиатского государственного университета, где 4 тысячи студентов учатся быть общественными работниками, востоковедами, инженерами, докторами, хозяйственниками и другими специалистами, в которых так нуждаются отсталые республики Средней Азии.

В Ташкенте насчитывается 41 клуб, 7 музеев, 11 театров, 5 кинематографов. В Ташкенте — десятки красных чайхан, сотни различных уголков и кружков.

Ташкент не только культурный центр. В нем немало и промышленных предприятий. Ташкент и центральный распределительный пункт. Он базисный склад для снабжения товарами не только Средней Азии, но и сопредельных стран. В общем товарообороте по железным дорогам в СССР Ташкенту принадлежит 52 проц. Через Ташкент идет состав за составом хлопков — основная культура, которую производит Средняя Азия.

Ташкент — сердце Средней Азии. В Ташкенте сосредоточены все краевые учреждения. В Ташкенте — все культурные учреждения. Из Ташкента идет новь — в глушь, в заброшенные за горы пески, степи, кишлаки, аулы.



СТАРОЕ И НОВОЕ. Ташкент. Улица в Старом городе. На снимке женщины в паранджах, мулла (на первом плане, верхом) и пионеры

УЗБЕКСКИЙ ТЕАТР

ТЕАТР Узбекистана — в полном смысле слова — детище революции. Фанатизм мулл и суровые запреты корана веками держали «правовых» вдали от «нечистого» искусства театра. Робкая попытка создания национального узбекского театра может быть отмечена только в 1912—13 гг. — время написания и постановки в Ташкенте первой узбекской пьесы «Отцеубийца», принадлежащей перу драматурга Бех-Будди. Но не имеющих корней ни в европейском, ни в азиатском (восточном) театре, театр Узбекистана был обречен в условиях бесправия на прозябание, если бы не Октябрьская революция и национальная политика советской власти, открывшие искусству народов СССР самые широкие возможности развития.

Было бы преувеличением сказать, что узбекский театр ныне уже закончил процесс формирования, что пришла уже пора подводить итоги его деятельности. Этот театр находится только в периоде становления. Он только формирует свои ряды. Он еще борется за свой репертуар. Он только ищет свою национальную форму. Но уже сейчас должно отметить в его работе ряд значительнейших — в условиях Востока — достижений.

* *

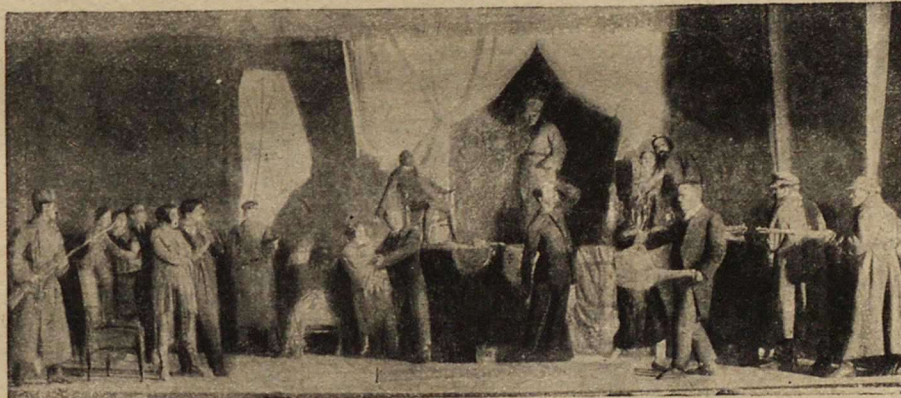
Преобладающее большинство членов узбекской труппы — 34 человека — члены партии и комсомольцы, причем все — в том числе и артистки — узбеки. Молодая эта труппа получила театральное воспитание в Москве, в драмстудии при рабфаке им. Сталина, под руководством учеников покойного Вахтангова. Школа, пройденная студийцами, как и последующая самостоятельная работа последних, имела задачей создать театр, с одной стороны, отрывающийся от культа чуждых национально-ограниченных сценических форм, а с другой — не увлекающийся механическим перенесением форм европейского театра на национальную почву. И в области драматургии театр Узбекистана должен был найти ту равнодействующую, которая позволила бы ему одновременно работать над сценическим воплощением образов и национальной, и советской, и мировой драматургии. Трудности здесь заключались еще и в том, что молодая драматургия Узбе-

кистана, страны крестьянской, ограничена до сих пор темами среднеазиатского кшлака, а коллизии социальные отступают в ней на второй план перед столкновениями личными. Вместе с тем европейская драматургия потребовала своего — в соответствии с аудиторией театра — приспособления, «обузбечивания». В постановке «Слуга двух господ», например, театр в целях приближения пьесы к зрителю должен был ввести чисто узбекские интермедии, построить музыкальное сопровождение спектакля на национальных мотивах, прибегнуть к узбекизации Бригеллы и т. п. Все эти чрезвычайно сложные и трудные задачи молодой театр, надо признать, ныне удачно разрешает включением в репертуар таких «ориентальных» пьес, как «Загмук» Глебова, «Кто самый главный» Витфогеля или пьес узбекских, действие которых протекает то в Персии,



Преподаватели и учащиеся узбекской драматической студии в Москве

приходится настойчиво и внимательно работать над созданием современной узбекской пьесы. Узбекские драматурги — Фитрата («Арслан» и «Индийские революционеры»), Самаи («Кузнец Кава»), Джанарди («Айдын»), Чулпан («Современные женщины» и «Яркын-Ой»), Зафар («Халима»), — только сейчас, под прямым воздействием театра, начинают работать над современной темой. Если прославленная в Узбекистане, впервые поставленная в 1920 г., пьеса «Яркын-Ой» популярного драматурга Чулпана имеет темой древнее народное предание о любви садовника к дочери знатного военачальника, то его последняя пьеса носит уже название «Восстание невольницы» и говорит о новой женщине — о раскрепощенной революцией узбечке. Роль театра в формировании драматургии, ее пролетаризации и советиза-



«Шторм» Билль-Белоцерковского в постановке Государственного узбекского драматического театра в Самарканде

(«Кузнец Кава»), то в Индии («Индийские революционеры»), т. е. пьес, формально «восточных», но по существу трактующих общереволюционные темы.

И вот результаты. В сезоне 1927—1928 г. узбекский театр показал 5 оригинальных узбекских и 7 переводных европейских пьес (среди последних — «Турандот», «Ревизор», «Скупой», «Шторм», «Слуга двух господ», «Рост» и «Загмук»). Общее количество спектаклей в сезоне — 25 узбекских и 29 европейских. Официальный отчет театра по этому поводу отмечает: «Репертуарная линия театра и запросы аудитории (особенно бухарской) несколько разошлись, т. к. театр давал меньше узбекских пьес, чем хотела аудитория, и все же за этот сезон (в Самарканде, Бухаре и Ташкенте) театр посетили 22 тыс. зрителей.

* *

Если в области формальной узбекский театр экспериментирует, культивируя в своих постановках и реализм, и конструктивизм, и «конструктивный реализм», то в части репертуарной ему

зании, таким образом, не ограничивается практиковавшимся до сих пор «исправлением» наличного репертуара, а активным воспитанием драматурга, переключением его внимания от истории прошлого к делам и дням Советского Узбекистана, переживающего ныне эпоху коренной ломки старого быта и решительной реконструкции своего хозяйства.

На ряду с поисками национальной формы и современного содержания идет здесь и дальнейшая работа над актером и подготовкой кадра национальных режиссеров. Узбекский театр, руководимый ныне Вл. Тихоновичем, имеет уже серьезную режиссерскую величину в лице т. Уйгура и значительную группу лаборантов — будущих постановщиков.

* *

...В глубокой связи с трудовыми массами Средней Азии, в поддержке советской государственности и общенациональности, в дальнейшей ориентации на принципы, лежащие в основе его нынешней работы, — залог дальнейшего роста узбекского театра.

Факт существования узбекского театра, факт его успешного роста — еще одно доказательство верности путей, предугазанных Октябрьской революцией угнетенным в прошлом и настоящем народам Востока.

И. КРУТИ

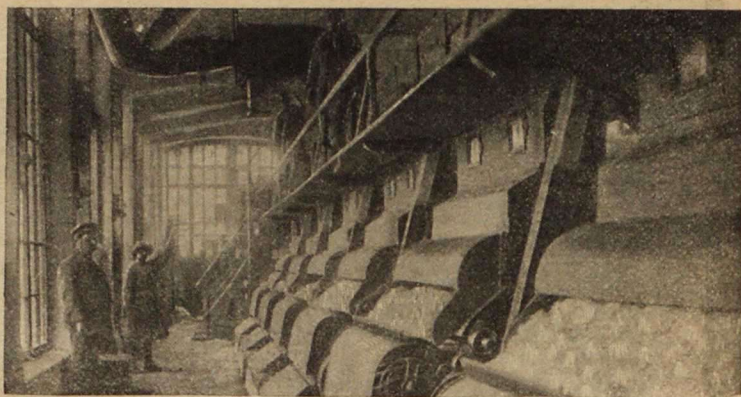


«Принцесса Турандот» в постановке Гос. узбекского драматического театра в Самарканде

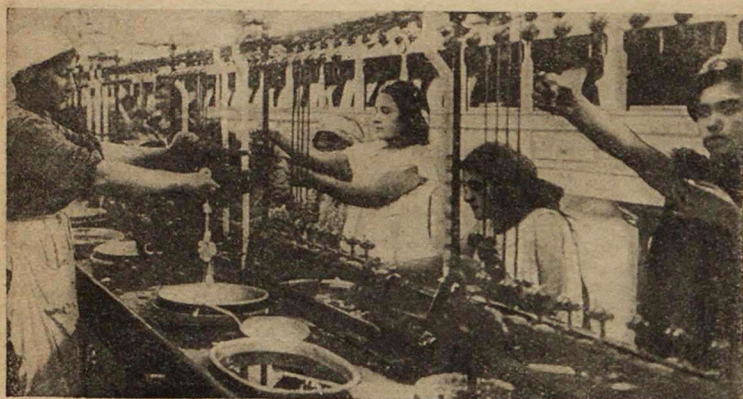
Промышленность Средней Азии



Сбор хлопка



Обработка хлопка



Шелкомотальня в Самарканде



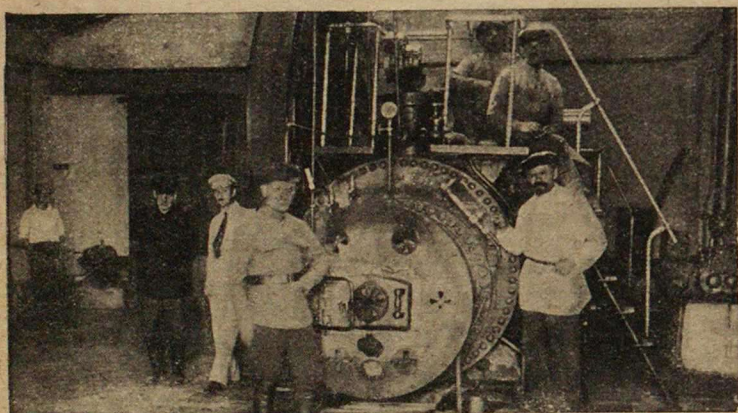
Прессовка шерсти



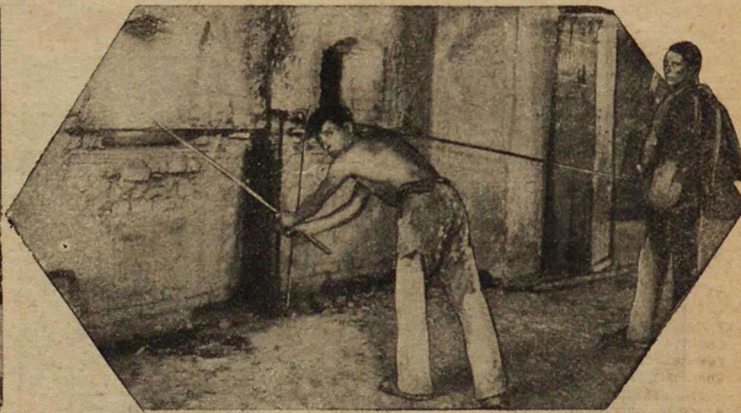
Обработка кишек. Проба готовых кишек. На заднем плане готовые кишки в мотках



Сортировка и упаковка кож



Механический завод «Турктара», изготовляющий ящики и упаковочные тружки для экспорта фруктов



Бутылочный завод в Полторацке

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—6 р. 75 к., на 9 мес.—5 р. 10 к., на 6 мес.—3 р. 40 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 1 мес.—60 к.
Подписку направлять в Главную Контору «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР И ВЦИК», Москва, 6, Пр. Скворцова-Степанова, 5.

Москва, Страстн. пл., Пр. Степ.-Скворц., 5. Т. 5-36-53.
Издание «Известий ЦИК СССР и ВЦИК».

Главлит № А 33321.

Редакторы: А. В. Луначарский, В. П. Полонский.
Типография «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», Страстная площ., Пр. Скворцова-Степанова, 5.